

«Сандал», которого не было

Автор:

Данил Корецкий

«Сандал», которого не было

Данил Аркадьевич Корецкий

Шпионы и все остальные (АСТ)

2005 год, Северный Кавказ. Специальная оперативно-боевая группа «Сандал», выполнив задание по уничтожению незаконных вооруженных формирований, возвращается к месту базирования. Однако вертолет сбит, в живых осталось только несколько человек. Тем временем изменения в политической обстановке заставляют Центр отказаться от признания наличия «Сандала»: старый командир увольняется и погибает при таинственных обстоятельствах, а новый выполняет приказ и уничтожает все документы, тем более что группа считается погибшей. Выжившие бойцы, с «легендами» вместо биографий, оказываются вне закона. Федеральные силы считают их боевиками, боевики – наоборот. Они вынуждены действовать по обстановке и в горах Кавказа пытаются отыскать имеющий большую ценность древний кинжал ассасинов... Единственный человек, отказывающийся забыть про группу, – подполковник Нижегородцев, который прикрывал «Сандал» во время боевых действий. Удастся ли ему вернуть забытых героев на свое место в жизни, а им найти древний артефакт?

Данил Корецкий

Сандал», которого не было

Глава 1

«Триумф» победителей

Северный Кавказ, декабрь 2004 г.

Вертолет лег на нужный маршрут и набрал крейсерскую скорость. Сзади осталась дымящаяся, ранее считавшаяся неприступной, а теперь вдрызг разгромленная горная база Саббаха. Вся территория объекта и подходы к нему усеяны трупами боевиков. Да и сам легендарный террорист, который живым уходил из любых ловушек и засад, сейчас не сумел выскользнуть из хитроумного капкана и лежал в толстом пластиковом мешке, мертвее мертвого. Его даже перевозить будут в герметичном контейнере облаченные в комбинезоны и противогазы бойцы взвода химической защиты.

Аюб прислонился спиной к стенке грузовой кабины, но через простреленное плечо жесткость подрагивающего борта тут же передалась всему организму, и он снова отодвинулся на край откидного сиденья. Окинул взглядом лежащего в проходе на носилках Алху с забинтованной грудью – тот спал, учащенно дыша под действием анестетика.

– Граф! – наклонился к уху сидевший справа Тихий. – Тебя уколоть?

– Спасибо, потерплю! – ответил Аюб, перекрикивая шум двигателя. – Я уже выпил, чтобы шок снять, а промедол на спирт...

– Понятно, – кивнул Тихий.

Напротив, на лавке, лежал на правом боку Монтана. Док, сам с забинтованной головой, накладывал ему на бедро лангету. Дальше по салону, ближе к хвосту, – накрытое камуфлированной плащ-накидкой тело Магомеда на полу.

В принципе, группа отделалась «малой кровью» – пять «трехсотых» и один «двухсотый»[1 - «Трехсотый», «двухсотый» – раненый и убитый (условное кодированное обозначение).], зато результаты впечатляют: опорный пункт «гнездо Саббаха» перестал существовать, Саббах ликвидирован, уничтожены наиболее известные полевые командиры, бандгруппы сражались между собой и уничтожали друг друга, в результате джамааты перессорились, в стане врага посеяно взаимное недоверие, а следовательно, обстановка среди НВФ[2 -

НВФ – незаконные вооруженные формирования.], действующих на территории Северного Кавказа, дестабилизирована! И все это сделала их группа, которая, оказывается, носит секретное название «Сандал»... Правда, об этом сами они узнали только полчаса назад от своего ангела-хранителя из Управления «Т» – прикрывавшего их от своих «спецов», вертушек и артиллерии – подполковника с неподходящим для его нынешней роли позывным «Вампир». До этого название «Сандал» слышал только командир группы Мухтарыч...

Так что, можно сказать, на жестоких весах специальных операций они оказались в большом выигрыше: Шумахер был ранен еще до начала основной операции и отправился в госпиталь, Монтана и Алха получили тяжелые ранения в бою за «гнездо Саббаха», Аюбу прострелили плечо и Доку отстрелили ухо... Это восполнимые потери – поправятся и опять станут в строй! А невосполнимая только одна – Магомед... «Только»! И совсем не «только»! Одно дело, когда в далеких штабах считают коды потерь по статистическим сводкам, а совсем другое – видеть веселого, жизнерадостного, полного сил товарища в виде холодного тела... Магомед – это не единица в клеточке ведомости, не «просто одна потеря»... Хотя он и не Магомед. Все бойцы группы собраны из разных подразделений, все знают друг друга только по позывным, да иногда по нечаянно проскочившим вымышленным именам. Командиру группы Мухтарычу известны фамилии прикрытия, но не больше: настоящие биографические данные хранятся где-то высоко и далеко, в бронированных сейфах... И вообще, судя по всему, об этой операции осведомлены только несколько человек...

Салон выдавшего виды трудяги «Ми-8» забит до предела уставшими людьми с оружием, в мятом, порванном и прожженном камуфляже, каждый из которых хочет рассказать что-то, независимо от того, слушают его или нет. Некоторые пользуются переговорными гарнитурами, но большинство просто кричат, срывая и без того перенапряженные голосовые связки.

– Я еле успел развернуться, а то бы он мне снес голову! – возбужденно орет Тихий.

– Нас зажали перед входом в бункер, я смотрю, а «дух» гранатой замахивается, но Фитиль его вовремя снял! – радостно рассказывает Лось.

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! – заходится в истерическом смехе Махди. К нему подходит закончивший возиться с лангетой Док.

– Дать успокаивающего? – предлагает он. – Или спирта? Это нервное, сейчас пройдет...

Махди, не переставая хохотать, качает головой.

– Не... Это не от нервов... Думаю: вот ты нас лечишь, лечишь, а как ты сам без уха будешь? Док есть, а уха у него нет! Как же так? Получается Док без уха!

Аслан сидит молча и с сосредоточенностью робота набивает автоматный магазин патронами, потом разряжает и набивает заново, будто готовится к сдаче норматива. Только готовиться ему не надо: он любой норматив перекрывает даже с закрытыми глазами.

Гремит двигатель, дрожит винтокрылая машина, всем бы расслабиться, да отдохнуть, успокаивая натянутые как струны нервы да давая время возбужденному организму постепенно растворить насыщающий кровь адреналин... Но после крайнего нервного напряжения организму нужна разрядка. С осознанием того, насколько близко совсем недавно находился от смерти, но остался жив, и теперь все позади, приходит «отходняк»: кого-то пробивает на безудержный смех, кому-то нужно просто выговориться... И ребята орут, перекрикивая грохот, смеются без всякой причины, – радуются, что остались живы.

«А что дальше будет? – размышлял в полусне Граф. – Расформируют группу и отправят по прежнему месту службы? Вряд ли... Мы уже прошли такую «обкатку», что спускаться на прежний уровень нас смысла нет – надо наверх поднимать... Для особых заданий со смертельным риском люди всегда нужны...»

– Нормально делай – нормально будет, – словно читая мысли, произнес Мухтарыч любимую в Дагестане поговорку. Он надел гарнитуру и Аюбу показал, чтобы тот сделал тоже самое, теперь они могли говорить, не напрягаясь. – А мы все нормально сделали. Даже больше, чем нормально! За такую победу в Древнем Риме полководцу и его войску полагался триумф! Торжественный въезд в город на четверке вороных, золотой венец, рукоплескания восторженных граждан, благосклонное внимание императора, одаривание рабами, землей, должностями, всеобщая любовь и почет...

Когда-то Мухтарыч был школьным учителем и сейчас забытый осколок его личности выглянул наружу сквозь грубую кожу боевого офицера. Он заметно расслабился, разулыбался и был больше похож на заботливого кавказского отца или дядю.

– Да, рабов у тебя, Мухтарыч, и так хватает, – буркнул Граф, обведя рукой вертолетный салон. – И хотят они одного – покоя!

– Ничего, ничего... Подлечитесь, получите звания досрочно, новые должности...

– Ну их в задницу, эти должности! – вполне искренне сказал Граф. – Уволиться хочу, завести семью... Да без стрельбы и резни жить спокойно...

– Это ты в горячке, – успокаивающе сказал Мухтарыч. – Получишь награды, новые погоны, рану залечишь, успокоишься... И снова в бой потянет, это я тебе сто процентов даю... Кто уже на этой границе погулял, как заколдованный становится: снова и снова туда возвращается, словно тянет его кто-то туда...

– На какой границе?

– На той самой. Между жизнью и смертью. Да ты и сам это знаешь!

Аюб криво усмехнулся:

– Как бы нам вместо наград по жопе не дали!

– За что?! – вскинулся Мухтарыч.

– Не знаю за что. Просто по жопе я получал куда чаще, чем награды и почести!

Острые пики скал внизу стали выравниваться, постепенно переходя в запорошенную снегом холмистую равнину со скальными выходами кое-где. Ребята успокаивались: смолкли крики, угас беспричинный смех, многие откинулись на холодные дюралевые борта и впали в болезненную чуткую дремоту.

Их главная задача была выполнена, но никто не знал, что ждет впереди. Даже Мухтарыч, который изображал опытного, осведомленного командира, тоже этого не знал. Но он достаточно долго жил и помнил поговорку: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах...» Поэтому и не любил загадывать. Хотя ободрить и поддержать ребят хотелось – они этого заслужили.

* * *

Полевого лагеря у нового джамаата[З - Джамаат – территориально-этническое объединение для ведения подпольной террористической деятельности.] не было. Жили каждый у себя дома, собираясь в обусловленное время у Мусы в гараже. Гараж большой, бетонный, в него даже КамАЗ без прицепа входил, когда отец Мусы движок перебирал. Нет теперь ни КамАЗа – его сожгли враги, ни отца – погиб, защищая свою землю от федералов.

А в стене гаражной ямы Муса сделал тайник, там теперь оружие хранится: обрез охотничьего ружья, старый-престарый наган, обгоревший макаров и две гранаты. Кое-что купили на базаре, что-то выменяли, что-то осталось от погибших старших. С тайником Муса хорошо придумал. Очень удобно: пришел к другу, не рискуя по пути быть захваченным с оружием, а из его дома вышел на задание вооруженным моджахедом. И выходы оттуда отличные: верхний Арна-Юрт расположен в предгорье, подходы к дому с высоты хорошо просматриваются, незаметно никто не подкрадется, зато уйти из подворья тремя разными путями можно. Лучше всего – через сад, оврагом.

Шамсутдин, который пока был за старшего, Мусу похвалил и у себя в гараже такой же тайник сделал, однако хранить там пока особо и нечего: только небольшой плоский пистолет. Такие называют «генеральскими» – Шамсутдин подобрал его на месте взорванной и расстрелянной колонны и спрятал, чтобы отец не забрал. Хотя генералов среди погибших вроде не было, ну да какая разница? Главное, что пистолет есть! А командиру пистолет обязательно положен! И конечно, он по секрету показал его самым доверенным друзьям, да и остальные каким-то образом узнали... Впрочем, это только укрепило положение Шамсутдина: стало ясно, что это настоящий командир!

– Оружия у нас мало, – говорил Шамсутдин. После этих слов среди шести слушателей, сидевших на старых автомобильных покрышках за гаражом, пронесся озабоченный шепот. Самому старшему здесь недавно исполнилось

двадцать два года, и это был сам Шамсутдин. Высокий, плотный, он выглядел старше своих лет, и борода у него была черная и густая, как и положено моджахеду. К тому же он много лет занимался борьбой и даже являлся чемпионом района. Словом, его уважали, по крайней мере в своем кругу. Хотя амбиции его были гораздо выше.

– Скоро произойдут важные события, – продолжал Шамсутдин. – Моего отца тогда признают амиром, а я буду его заместителем...

– А тебя поставят заместителем дяди Висхана? – спросил Муса. – Тут же надо авторитет иметь!

– Не бойся, я заработаю, – уверенно сказал Шамсутдин. – А потом выделю свой отряд из молодых ребят и сам стану амиром. А вас, с кем начинал, назначу командирами групп!

– Это справедливо! – сказал Алдан и все одобрительно зашумели.

– Только сидя дома никто командиром не станет! Нужно заявить о себе! И тогда к нам придут еще люди, много людей. А весной мы уйдем в горы и сделаем там полевой лагерь. Будем называться «Молодые моджахеды». И все будут нас бояться, даже федералы к нам не сунутся!

– Почему не сунутся? – спросил самый младший, Руслан. Ему было всего шестнадцать, и он выглядел, как ребенок: щеки и подбородок гладкие, борода совсем не росла. – Они вон сколько отрядов разбили... Даже отряд самого Борза!

– И амира Умарова, – добавил Муса. – Почему к нам не сунутся?

– Потому что мы сильнее всех будем! – пообещал Шамсутдин, и «молодые моджахеды» закивали, хотя не очень уверенно.

* * *

Когда вызывают к большому начальству, то даже боевым генералам не по себе: они знают, как легко ломаются чужие судьбы и понимают, что в такие моменты могут столь же легко хрустнуть и их собственные. Но сейчас был тот редкий

случай, когда их ждали приятные сюрпризы: Управление специальных операций успешно выполнило задачу по ликвидации Саббаха и дестабилизировало обстановку среди боевиков Северного Кавказа, за это полагались благодарности и награды. Можно сказать, что они и были первыми триумфаторами: необходимые донесения по радиосвязи поступили, объективные подтверждения в виде спутниковых снимков разгромленного «гнезда Саббаха» уже легли на стол министра, а следовательно, руководителям управления оставалось получить положенные почести и награды.

Правда, особенность состояла в том, что сегодня триумфатор состоял как бы из двух половинок: начальник УСО генерал-лейтенант Дединец уходил в отставку, а его заместитель генерал-майор Коцубенко готовился принимать дела. Словом, ситуация была щекотливая и во всяком случае не очень приятная для обоих. Хотя, если сравнивать, Дединцу было гораздо менее приятно, чем заступающему на его место «сменщику».

В Министерство обороны генералы приехали каждый в своей машине, и это о многом говорило. С одной стороны, для того и существует у каждого руководителя собственный выезд, чтобы один не зависел от другого, с другой – когда едут в одно место, то дружные начальник и заместитель усаживаются в одно авто... Но откуда взяться дружбе, если Коцубенко специально назначили замом под Дединца: чтобы осмотрелся, привык на новом месте, а через пару месяцев сам занял освободившееся кресло...

В приемную они вошли вовремя. Дединец был в сером костюме, светло-голубой сорочке и синем галстуке. Вообще-то к министру по старой памяти приходили в форме, даже когда министерское кресло занял гражданский человек, но начальник УСО и раньше позволял себе вольности, ссылаясь на необходимость соблюдать личную конспирацию. Он напоминал спортсмена – высокий, худощавый, седой и, несмотря на свои шестьдесят пять, широкоплечий – во всяком случае, верхняя часть туловища даже на беглый взгляд была заметно шире нижней. На подбородке справа белел косой шрам – след бурной диверсионной молодости. Держался он со всеми строго и отстраненно, не заводил друзей в штабе и не окружал себя полезными или «преданными» людьми – верный признак того, что за должность не цепляется, так как получил ее в былые времена за заслуги, а не за услуги. Личный состав групп СПн[4 - Группы СПн – специального назначения.] его любил: все знали, что каждый год Артем Николаевич прыгает ночью с трехсот метров, на полигоне показывает, как надо стрелять и как лучше установить боевую гранату на «растяжку». Друзей у

Дединца почти не было, впрочем, учитывая уровень его допуска, это считалось положительным качеством, обеспечивающим конспирацию. Начальство относилось к нему хорошо, но несколько снисходительно: дескать, чудака из прошлого, времена таких, как он, канули в Лету... Но положительный результат Дединец давал всегда!

Павел Васильевич Коцубенко пришел в форме. Недавно он разменял пятьдесят три, а потому считался перспективным молодым генералом новой формации. Действительно, он был служакой иного склада и выглядел совсем по-другому: стодвадцатикилограммовый крепыш среднего роста, с красным грушеобразным лицом, коротким ежиком волос и небольшими жесткими усами под широким носом. Живот и седалище обогнали плечевой пояс – это тоже было заметно с первого взгляда, впрочем, на перекладине он подтягивался тридцать пять раз, укладывался в норматив в трехкилометровом кроссе, а рукопашный бой – один против троих – проводил по уровню краповых беретов. Правда, об этом было известно в основном с его собственных слов. Зато он был общителен, умел заводить друзей, говорить тосты, быть полезным руководству. Как-то само собой он оказывался в центре любой компании. Кто-то метко пошутил на его счет: «Паша на любой свадьбе жених, а на любых похоронах – покойник...»

В приемной генералов «мариновать» не стали – министр принял их немедленно. В просторном кабинете, обшитом деревянными панелями и обставленном хорошей мебелью, было светло – солнечные лучи просвечивали высокую комнату наискосок, создавая впечатление жаркого лета за окном.

– Прошу вас, товарищи генералы! – Министр встал, обошел огромный письменный стол и двинулся навстречу. Это был сугубо штатский человек с мягкими манерами интеллигента. Он пожал руки вошедшим, вызвал заместителя, курировавшего специальные операции, пригласил всех к длинному столу для совещаний, как бы подчеркивая дружеский, неформальный характер беседы. Министр и его заместитель умело провели процедуру триумфации, в отработанной словесной форме воздав должное мастерству генералов, их профессиональным качествам и умению руководить подчиненными.

– Конечно, основная работа лежала на Артеме Николаевиче, – сказал министр. – Но Павел Васильевич тоже успел подключиться и внес свой вклад...

– Нет, ну какой с меня вклад, – деликатно возразил Коцубенко. – Это полностью заслуга Артема Николаевича. Но я надеюсь в дальнейшем...

– Все получают награды, – продолжил министр, как будто его никто и не пытался перебить. – И вы в первую очередь. К Новому году мы подготовим приказы... Артем Николаевич, хотите наградное оружие? У вас же есть кровники, надо соблюдать осторожность...

– При целенаправленной акции оружие редко помогает, – со знанием дела сказал Дединец. – Разве что позволяет забрать с собой пару человек...

– В моем наградном фонде сейчас есть интересные зарубежные образцы, – не услышав возражения, продолжил министр. – Восемнадцатизарядный «Глок», например?

– Спасибо, товарищ министр, – невозмутимо ответил Дединец. – У меня уже есть табельный «Стечкин» и наградной «ПМ». Так что, если надо будет застрелиться – есть из чего!

– Что ты, что ты! – Министр даже замахал руками и, что еще более необычно, перешел на «ты». – Выйдешь на пенсию, поездишь за границу, мир посмотришь!

– Да, да! – закивал Коцубенко. Замминистра стоял с нейтральным лицом и приветливой улыбкой, сохранившейся с момента поздравления. Выражение лица и улыбка не соответствовали друг другу.

– С моими допусками я могу посмотреть мир только через автоматный прицел, – по-прежнему спокойно сказал Дединец. – Да и за казенный счет – своих-то денег не накопил...

– Ну, с этим мы что-нибудь решим. – Министр снова как будто не слышал возражений. Может, он не вдавался в детали, а может, действительно думал отправить секретносителя высшей категории в заграничный круиз, несмотря на то, что лицо заместителя отражало полную невозможность такого решения. И Коцубенко хотя и продолжал кивать, но с видом полной безнадежности.

– А где сейчас ваша группа? – спросил министр.

– Эксфильтруется вертолетом из района боевых действий, – доложил Дединец. – Будет в Москве завтра.

– Товарищ министр. – Коцубенко переступил с ноги на ногу, узорчатый паркет закрипел под грузным телом. – Поскольку мне придется руководить группой, я хотел бы доложить вам план ее дальнейшего использования...

– Вначале я вам кое-что доведу. – Министр сделал знак заместителю, тот достал из серванта и поставил на полированный стол бутылку дагестанского коньяка, бокалы и тарелочки с тонко нарезанными сыром и копченой колбасой.

– Позвольте вам помочь, Борис Борисович. – Коцубенко ловко наполнил бокалы, не обратив внимания на легкую улыбку Дединца.

– За ваш успех, товарищи генералы, – торжественно произнес министр. – Особенно за вас, Артем Николаевич!

Он пригубил бокал и поставил на стол. Замминистра сделал точно так же. Коцубенко последовал примеру старших начальников. И только Дединец со вкусом выпил до дна, закусил колбасой, попробовал сыр, одобрительно кивнул. В глазах Коцубенко мелькнуло сожаление: видно, он тоже хотел выпить и хорошо закусить.

– Так вот, товарищи генералы, – продолжил Министр. – Обстановка в мире меняется, очень скоро перемены коснутся и нашего министерства. Нам придется мирно решать конфликт на Кавказе. Хотим мы этого или не хотим, но военный путь контрпродуктивен...

Дединец со стуком поставил рюмку на стол и внимательно слушал. Лицо его, как всегда, оставалось бесстрастным и вроде бы ничего не выражало. Хотя те, кто знал его хорошо, отметили бы, что это не так: вроде бы бесстрастное лицо выражало недовольство.

– Хуже всего то, что западные разведки получили информацию о вашей группе. Как она называется? – Министр перевел взгляд на своего заместителя, тот отрицательно покачал головой. Посмотрел на Коцубенко, но тот повторил жест отрицания – он тоже не знал ответа. Холодные голубые глаза министра остановились на Дединце.

– «Сандал», – коротко ответил генерал-лейтенант. – И что из этого следует?

- Вы же знаете, как расценивает Европа и Америка события на Кавказе? - строго спросил министр. - Как борьбу горцев за свободу и независимость!

- Да уж видел я эту борьбу вблизи! - не менее строго ответил Дединец. - И отрезанные головы наших ребят видел, и как эти звери кожу с пленных сдирали...

Он скрипнул зубами.

- А «Сандал» поубавил их пыл и показал, что надо соблюдать правила войны!

Но эти слова в очередной раз не дошли до сознания министра.

- И вот получается, - продолжил он. - Войны у нас никакой нет, но есть группа из представителей коренных народов Кавказа, знающих местные обычаи и традиции, наскоро изучивших Коран и действующих против своих братьев по крови под видом таких же борцов за свободу. Втираются к ним в доверие и коварно уничтожают...

- Коварно?! - Дединец сказал еще что-то, но вовремя понизил голос, так что добавленных слов не расслышали. Понятно только было, что он не поддержал гуманных и толерантных взглядов зарубежных коллег, причем отсутствие поддержки, скорее всего, было выражено в нецензурной форме. Но на речи министра это не сказалось.

- То есть нас могут обвинить в провокации, разжигании межнациональной розни и т. д. и т. п. Вплоть до геноцида - самого страшного международного преступления! - повысил тон министр. - Вот какой скандал может вспыхнуть из-за вашего «Сандала»!

Замминистра скорбно кивнул, поддерживая начальника: дескать, объективная реальность такова и никуда от нее не денешься!

- Международный скандал на весь мир! - развел руками зам.

Коцубенко молчал. Но, в отличие от обычного, вид у него был не очень победный.

Всегда бледное лицо Дединца порозовело.

– Идею группы утверждали на всех уровнях! И она отработала очень эффективно!

Министр смягчил тон:

– Да, решение было принято, оно оказалось эффективным в оперативно-боевом отношении. Но в свете политической конъюнктуры – ошибочно. Решение придется менять...

– Каким образом?! – нахмурился Дединец.

– Какая моя задача? – насторожился Коцубенко.

Министр пожал плечами, сделал рукой жест, будто сметает выпивку и закуску на пол, а сам вернулся за свой стол и сел в кресло.

– Группа распускается, точки конспиративного прикрытия ликвидируются. Отличившиеся бойцы получают награды и направляются для продолжения службы. Но не в свои части, а в другие подразделения СПн, желательно с отдаленной дислокацией. С каждого взять подписку о неразглашении. В течение года осуществлять оперативный контроль за всеми: образ жизни, увлечение спиртным, ненужная болтовня, сомнительные связи... В случае необходимости принимать соответствующие меры.

– Какие меры? – спросил Дединец тоном, не предвещающим ничего хорошего. – Ликвидация, что ли?

– Ну зачем вы так? – скривился министр. – Соответствующие меры. Их мы будем обсуждать в каждом конкретном случае особо. Скорей всего, обсуждать мы их будем уже с товарищем Коцубенко.

– Так точно, товарищ министр! – вытянулся Коцубенко. – Готов в любой момент приступить к обсуждению!

– Да погоди! Готов он! – в сердцах сказал Дединец. – Ребята еще летят с территории войны! Пусть хоть до мирной жизни дотянут!

– Все свободны! – объявил министр, который, по своему обыкновению, не отклонялся от курса, как захватившая цель торпеда. – Детали мы еще обговорим.

Руководители Управления специальных операций вышли.

– Мне кажется, правильное решение приняли – отправить Артема на пенсию, – глядя на закрывающуюся дверь, сказал Министр. – И своевременное!

– Да, возраст, ничего не поделаешь, – согласился зам.

– Не только в возрасте дело. Какой-то он желчный, ершистый, угрюмый, ничего ему не надо, – поморщился министр. – Недаром ни жены, ни детей, ни друзей, одна собака... Даже дома приличного не выстроил. И упертый! Вот сейчас будет Коцубенко за эту свою группу агитировать. А ведь «Сандал» уже сделал свое дело, решение по нему принято... Зачем плыть против течения? Еще наломает дров напоследок... В общем, продумай, как избежать возможных осложнений. И доложи свои соображения через час-полтора!

Министр ошибся: о «Сандале» Дединец ничего не сказал. Махнул рукой вскочившему референту-капитану, а когда вышли в коридор, заметил:

– Вот этот капитан и должен коньяк с закуской на стол ставить. Да и ты, Паша, не спеши никогда разливать... Не генеральское это дело...

– Так я заместителю министра помог, – удивился Коцубенко. – Что тут такого?

– А зачем ему помогать? Раз нравится подавать и разливать – пусть разливает. Значит, есть у него в душе жилка официанта. А у уважающего себя человека ее быть не должно! Тем более у генерала...

Они вышли из министерства, попрощались, каждый сел в свою машину. Дединец взглянул на часы.

«Ну, где там Маджидов с ребятами?» – с непонятным беспокойством подумал он. Почему-то эта мысль не оставляла его в покое, хотя никаких объективных причин для опасений не имелось. А фамилия Маджидов была настоящей фамилией командира «Сандала», которого вся группа знала под прозвищем Мухтарыч.

* * *

Вертолет набрал скорость и высоту. Разговоры в нем стихли: возбуждение прошло, и бойцы просто отдыхали.

Спирт помогал плохо – плечо болело все сильнее, и Аюб уже жалел, что отказался от промедола. Коротким жестом подозвал Тихого:

– Дай шприц-тюбик. Спирт уже растворился в крови...

– Думаешь? – с сомнением спросил тот. – Вроде времени мало прошло...

– Хрен с ним... Терпеть не хочу. Хватит, натерпелись. Домой летим.

Тихий полез в карман.

– Ну, держи, раз так...

Аюб освободил иглу, прямо через одежду хлопком вогнал ее в бедро, выдавил содержимое тюбика. Боль сразу ослабла.

– Уволюсь, на фиг, надоело! – сказал он, перехватив внимательный взгляд Мухтарыча.

– А жить на что? – вздохнув, спросил командир. – «Боевые» быстро разойдутся, да и на пенсию не разгуляешься...

Аюб достал откуда-то кинжал, полученный от Провайдера. Прямой обоюдоострый клинок, белая полупрозрачная рукоятка, украшенная с обеих сторон золотистыми вьющимися стеблями... Исторический артефакт включенный

во все каталоги мировых аукционов.

«Интересно, – подумал он. – Как этот кусок железа, испивший за свою долгую жизнь немало человеческой крови, может превратиться в миллион долларов? Каковы механизмы этого превращения? Где и как оно происходит?»

Ответов на эти вопросы Аюб не знал, он не представлял, как присваивают и продают за огромные деньги землю, фабрики, заводы, контрольные пакеты акций и всего того, на чем делают состояния современные нувориши.

Но тем не менее, отбросив сомнения, уверенно показал оружие ассасинов Мухтарычу.

– Так вот же оно – наше светлое будущее!

– Ты правда веришь, что он лимон баксов стоит?! – удивился Мухтарыч.

– Провайдер не замечен ни в брехне, ни в ошибках.

Мухтарыч посмотрел на Провайдера, сидевшего у самого входа в кабину пилотов. Тот, поняв о чем идет речь, утвердительно кивнул и включился в переговорную гарнитуру.

– Да, не замечен! – согласился Мухтарыч. – Но как его обналичить? В комиссионке за него столько не дадут. А на парижских аукционах я не очень уверенно себя чувствую...

– Не знаю. Провайдер придумает, а мы все вместе сделаем. И на всех поделим по-братски. Семье Магомеда тоже долю выделим.

– А что потом?

– Как что?! Нормально проживем хоть. Дома купим на Рублевке или где-нибудь за границей. В Испании, или во Франции на Лазурном Берегу... Будем ездить друг к другу в гости. Разве плохо погостить на вилле у Тихого, покататься на яхте Монтаны?

Мухтарыч покрутил головой.

– Слышишь, Тихий?! Ты, когда разбогатеешь, что делать будешь? Виллу купишь? В гости нас позовешь?

Тихий тоже включился в гарнитуру.

– Само собой! А еще хочу с семьей попутешествовать. Я же, кроме как на Кавказе, нигде и не был...

– Значит, и не будешь! – бесцеремонно вмешался Провайдер.

– Это еще почему? – возмутился Тихий.

– Потому, что между тушенкой с водкой и устрицами с шабли должен быть длинный переходный ряд. Иначе ничего не получится.

– Кончай настроение портить! – оборвал Провайдера Мухтарыч. – Научимся и устрицы есть, и это самое шабли пить. Или ты думаешь, что всплывший сейчас новорусский мусор с детства изысканным манерам обучался? Нет! Жрали самопальную водяру с килькой в томате, а сейчас где-нибудь в Ницце оттягиваются – замки покупают, прислугу заводят, поваров... Да еще дворянскими званиями обзаводятся и тонких гурманов из себя строят!

– Я не хочу портить вам настроение, – сказал Провайдер. – Только дом на Рублевке десять-двадцать миллионов зеленю стоит. Да яхта не меньше. Так что дома нам можно только где-нибудь под Рязанью купить. И в страхе ждать, когда налоги на недвижимость повысят...

– Да ладно, – благодушно сказал Аюб. Рука у него почти не болела. Он перехватил оружие из прямого хвата в обратный и наоборот, нежно провел пальцем по клинку, по прозрачной рукоятке.

– Все равно сможем зажить совсем по-другому!

– Это точно, – подтвердил Мухтарыч.

– Однозначно, – не стал спорить Тихий. – В любом случае заживем лучше, чем раньше!

– Мне яхты и дворцы не нужны, – вмешался в разговор Док. – Мне лишь бы семью поднять да самому голову уберечь...

Он достал из внутреннего кармана свернутый в несколько раз тетрадный лист в клеточку, развернул, показал Мухтарычу.

– Дочка вот нарисовала, с собой ношу как талисман...

На листке синим, красным и зеленым фломастерами были кружочками, овалами да черточками изображены три человечка: мама, папа и ребенок.

– А ты похож! – улыбнулся Мухтарыч.

Док спрятал рисунок обратно.

– Граф, а ты на что потратишь? – спросил он. – Ты же холостой у нас. Завидный жених! Только не затягивай, а то совсем старый станешь!

– С деньгами возраст не помеха! – парировал Граф и спрятал кинжал в нагрудный карман разгрузочного жилета. – Думаю, впереди у нас более веселая жизнь, чем раньше! А сейчас не мешайте – рана отпустила, я поспать хочу...

– А что, под Саратовом можно за пять миллионов рублей нормальный дом купить на трех сотках, – сказал Док.

– А если построиться, то еще дешевле выйдет, – добавил Тихий.

– Мечты, мечты, где ваша сладость, – буркнул Провайдер, закрывая глаза.

Но ожидавшие «сандаловцев» впереди приятные изменения были уже даже не мечтами, потому что мечты, иногда все-таки сбываются. А сейчас они превратились в иллюзии, которые, как известно, есть всего лишь заблуждение, несбыточный обман искаженной действительности. Потому что двое «духов», поднимавшихся на заснеженный безымянный холм к разрушенному коровнику,

были суровой и жестокой реальностью. Со стороны могло показаться, что пастухи тащат зачем-то в гору бревно. Но это было не бревно.

Идущему впереди бородатому Висхану, исполнилось сорок семь, он был в черном, изрядно потертом овечьем тулупе и черной папахе, на плече ракета в трубе. Следом шел его сын – Шамсутдин, в черной болоньевой куртке и шапке «орех». В сумке на его плече отнюдь не еда, а пусковой механизм и запасной наземный источник питания. Все вместе это ПЗРК «Игла» – переносной зенитный ракетный комплекс. Едущие на лошадях в значительном отдалении, чтобы не привлекать внимания, шесть молодых людей знали, что «Иглу» Висхан купил у русских военных за сто тысяч долларов, вырученных за русского заложника, который все равно не дожил до освобождения и умер от ран и истощения. И еще они знали, что Висхан хочет стать амиром, заняв место одного из убитых в последнее время полевых командиров, а для этого ему надо сбить русскую «вертушку» – сразу появится авторитет, деньги, уважение. Да и Шамсутдин «поднимется» после такого подвига и уже сможет претендовать на должность заместителя Висхана, а потом возглавить свой собственный отряд. И они, все шестеро, пойдут следом за героями. Если те, конечно, докажут свое геройство.

– Давай, сын, готовь ракету, – распорядился старший, когда они подошли к разбитому коровнику. – Помнишь, как?

– Все помню, отец. Отдышусь немного...

– Приготовь сначала, потом отдышишься! Чтобы не пропустить. Они тут не так часто летают...

На борту вертолета царило оживление. Аюб впал в забытие, зато всю остальную группу возникший разговор взбудоражил. Миллион долларов, даже если его разделить на всех – сумма достаточная, чтобы вызвать фантазии на тему, как ее истратить.

Шум вертолета разносился далеко, и крохотный силуэт «Ми-8» уже был виден в ясном синем небе невооруженным взглядом. Широко расставив ноги на полупровалившейся крыше коровника, Шамсутдин положил на правое плечо драгоценную «Иглу» и, провернув рукоятку, привел в действие наземный источник питания. Через пробитую мембрану жидкий азот устремился к инфракрасному датчику ракеты. Через пять секунд ПЗРК будет готов к ведению

огня, после этого порядка полминуты для выстрела. Если не получится – все сорвется и понадобится новый источник питания.

«501, 502, 503...» – беззвучно шевеля обветренными губами, считает секунды стрелок. Его отец, стоя сбоку, снимает происходящее на «Никон» с телеобъективом.

– Давай сынок, – негромко сказал он. – Аллах акбар!

А в вертолете вновь начали шутить и веселиться.

– Графу жениться пора, – сказал Тихий. – Хотелось бы на кавказской свадьбе побывать!

– Так за чем дело случилось? – улыбнулся Мухтарыч. – Принимай ислам, мы тебе невесту найдем... Только обрезание надо будет сделать!

– Ну ты придумал! – покрутил головой Тихий. Все засмеялись.

Шамсутдин нажал пусковую кнопку. Зенитная ракета вылетела из трубы и, оставляя за собой белый след, со свистом устремилась к цели.

– Ракета, держитесь! – закричал пилот. Он отстрелил тепловые ловушки и попытался выполнить противоракетный маневр, но ловушек оставалось только две и они не смогли сбить снаряд со следа, а по маневренности «Ми-8» сильно уступает реактивным истребителям, поэтому ракета угодила точно в двигатель. Взрыв, мощный удар, и вертолет, как раненый в крыло орел, камнем полетел вниз. Двигатель охватило пламя.

– Аллаху акбар! Алла-л-лаху акбар! – с гортанным переливом орал в экстазе юнец на крыше старого коровника, поднимая руки к небу. Его отец торопливо фотографировал доказательства героического поступка своей семьи.

Сон Графа был беспокойным. Скорее не сон, а полузабытье. Раненое плечо все же тупо ныло. Аюбу снилось, что он бурлак с картины Репина, тянет по речке Хартанге яхту Монтаны и бечева врезается в его плечо. Сам Монтана тоже рядом с ним. А еще с ними запряженные в одну упряжку Алха, Док и Шумахер.

Остальные – на яхте и машут оттуда руками: Джигит, Аслан, Махди, Фитиль, Лось, Тихий, Провайдер, погибший Мага почему-то жив... А Мухтарыч стоит за штурвалом.

– Бзын-н-н-нь! – лопнула натянутая бечева...

Сон мгновенно превратился в жуткую явь. Вертолет крутило, как в водовороте, а из задней полусферы в кабину валил черный едкий дым вперемешку с ослепительно-ярким пламенем. Вой огня, ветра и людей слился воедино.

– Падаем! – заглянув в салон, прокричал борттехник, как будто это еще было кому-то не ясно. Через открытую дверь было видно, что приборная панель мигает, как светомузыка. Спина пилота напряглась так, как будто он на руках пытался опустить подбитую машину. Пассажирскую кабину наполнил запах горелого керосина.

Вертолет стремительно терял высоту. С третьего раза пилоту удалось включить авторотацию, и винт, закрутившись под плотным потоком набегающего воздуха, на какое-то время затормозил падение обреченной машины. Он мог бы сыграть роль аварийного парашюта – такое бывает, хотя и крайне редко, но подъемная сила была мала, а невысокая гора Ведьмины Зубы, с хищно торчащими острыми скальными выходами, стремительно надвигалась. Пилот постарался направить «Ми-8» по ровному, слегка заснеженному склону, чтобы скольжение постепенно погасило скорость, как в бобслее длинный спуск гасит энергию разогнавшихся спортивных саней. Это ему отчасти удалось, но поверхность внизу отличалась от гладкого ледяного желоба, да и возможностей маневра даже у отличного пилота сейчас не было.

Бах!!! – горящий вертолет ударился о каменистый склон, подпрыгнул и, ломая винты о скальные клыки, понесся вниз, налетел на большой валун и разломился пополам, из фюзеляжа посыпались беспомощные фигурки в комбинезонах цвета хаки. Некоторые скользили вниз, некоторые падали в расщелины, некоторые оставались безжизненно лежать на вспаханном, перепачканном сажеем снегу...

Пылающий, разбитый вертолет стремительно прокатился еще пару десятков метров, ударился носом в скалу и сложился, как картонная игрушка. Пламя разгоралось. Спустя сорок пять секунд на месте «Ми-8» остался лишь белый дымящийся пепел от алюминия и магния, и большое черное пятно вокруг.

Шамсутдин бросил использованную трубу ПЗРК и попытался станцевать лезгинку, но на крыше не было для этого места.

– Поздравляю, сын! – Висхан протянул ему папаху, почти такую же, как собственная. – Ты стал настоящим моджахедом, Можешь теперь носить головной убор мужчины! – И, повернувшись к подскакавшим молодым людям, крикнул: –?Недалеко упал, скачем туда! – Взмахом руки бородач указал вниз, где дымились останки подбитого вертолета. – Двое самых молодых нам с Шамсутдином коней отдадут, а сами пешком добираются к месту встречи!

– Слушаюсь, амир! – послушно кивнул Муса. И только что образовавшаяся новая бандгруппа поскакала к месту крушения.

* * *

Когда сбили вертолет, двенадцатилетний Мурад с приятелем как раз лазали по Ведьминым Зубам. Катастрофа их не особенно удивила: Мурад и Заур за свою жизнь кроме войны ничего и не видели, а на ней чего только не случается... Горящий вертолет, резко теряя высоту, ударился о склон, некоторое время, подпрыгивая и разваливаясь, катился по земле, разбрасывая в стороны беспомощные человеческие фигурки, потом врезался носом в скалу, внутри что-то грохнуло, вокруг полетели искры и осколки. Мальчишки упали ничком, прижались к земле и лежали так несколько минут.

– Пойдем посмотрим, – предложил Мурад.

Они встали, походили, осмотрелись. Ближе подходить, правда, не стали, побоялись новых взрывов. Там, где вокруг опасность, дети быстро привыкают быть осторожными. Тем более вокруг было много трупов – целых и разорванных на куски – это их пугало. Пошли вверх по вдавленному следу и у самого его начала наткнулись на безжизненно распростертое тело, из-под которого торчал автомат. Заур стал тянуть автомат, но он не поддавался. А Мурад увидел, что неподалеку на снегу чернеет какая-то квадратная штучка. Кусок обшивки, что ли? Да нет, слишком правильной формы... Он взял находку в руку, но тут же выронил – горячо!

– Иди, помоги! – позвал Заур. – Надо мертвяка поднять!

Мурад взглянул, чем занимается товарищ и покачал головой.

- Он весь в крови! Я не хочу... И потом, знаешь, что за кражу оружия бывает?

Мурад потер черный квадрат о снег, чтобы остудить, и стер копоть - находка засияла серебристым блеском. Портсигар!

«Аллах мне послал награду за прилежание», - подумал Мурад и сунул находку в карман.

- Скачет кто-то, слышишь? - Заур бросил автомат. - Пошли быстро отсюда!

* * *

Минут через десять они были на месте. Лошади заупрямились и не стали подходить близко к дымящемуся черному пятну. То ли исходящий жар напугал их, то ли разбросанные на земле люди и части их тел, но наездникам пришлось спешиться.

- Собирайте боеприпасы, оружие! - скомандовал Висхан.

- Отец, смотри, один живой! - показал пальцем Шамсутдин.

Бородач достал из-под расстегнутого тулупа пистолет, подбежал к раненому и выстрелил в голову. После этого наклонился к телу и принялся снимать жилет разгрузки.

- Если еще живых увидите, добивайте сразу, пока они первыми не выстрелили!

Приготовив оружие, а у кого не было - ножи и топоры, юнцы, как орлы-падальщики, разбрелись вокруг места катастрофы и принялись осматривать погибших, обшаривая их карманы, подбирая оружие и снаряжение... Шамсутдину не нравилось это занятие, но он был героем и должен был подавать пример. Присев у окровавленного тела, он с отвращением стал опустошать карманы.

– Вот еще живой! – крикнул из-за большого камня Муса. Он был вторым после Шамсутдина по возрасту в группе и даже успел повоевать в отряде амира Исмаила Умарова.

– Совсем целый: в сугроб упал. Это наш земляк, видно, его Аллах сохранил, как меня тогда...

Эту историю все знали: Умаров отпустил его на два дня домой, а на следующий день их лагерь в Сагашкинском лесу был полностью уничтожен.

– Сейчас посмотрим. – Висхан направился на голос.

На спине, раскинув в стороны руки, лежал без сознания заросший мужчина с бородой, в натовском, модном среди боевиков, камуфляже.

– Странно: оружия нет, – сказал Висхан, ощупывая бездыханное тело. – И документов нет...

– И разгрузочного жилета нет, – поддержал Муса, показывая свою опытность в военных вопросах.

Снизу раздались автоматные очереди, над их головами засвистели пули, защелкали от скал смертельные рикошеты. Молодые бандиты попадали, тревожно глядя, как со стороны села к ним приближается БТР и грузовая машина федералов, откуда вели автоматный и пулеметный огонь. Расстояние было большим, но оно неумолимо сокращалось. Шамсутдин дал ответную очередь из трофейного автомата, еще пара юнцов последовали его примеру. Но пули крупнокалиберного пулемета ложились все ближе, и исход предстоящего боя был совершенно ясен.

– Уходим! – прокричал Висхан. – Трофеи не бросать!

– А с этим, живым, что делать?

– С собой возьмем, там разберемся! – приказал амир. – Может это наш, в плену был...

Бандиты оседлали лошадей, укрываясь от пуль противника, спустились по другую сторону скалы и во весь опор поскакали к лесополосе. Преследовать конный отряд на колесной технике по пересеченной местности – дело неблагодарное. Никто их и не преследовал. Федералы выпустили наугад пару очередей из КПВТ[5 - КПВТ – крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый.] вдогонку и направились к месту катастрофы.

* * *

Всю дорогу от министерства до дачи Дединец молчал. Ни с охранником-водителем не разговаривал, ни по телефону не звонил, ни по спецсвязи не соединялся. Сидел, откинувшись на заднее сиденье, закрыв глаза: то ли спит, то ли дремлет, то ли просто думает. В его возрасте, да еще перед пенсией, есть о чем подумать...

Участие в специальных операциях не способствует ни здоровью, ни долголетию, ни семейному благополучию. Жена выдержала десять лет – и это был рекорд.

– Я хочу жить нормальной жизнью, как все мои друзья и знакомые, – сказала Варвара, собирая вещи. – Впрочем, ты этого не поймешь, потому что у тебя нет ни друзей, ни знакомых. Да и жены у тебя нет, а у меня мужа: мы живем на разных планетах. Твоя планета Война. Ее вроде и нет, но она есть! Ты уезжаешь в командировки на войну, тебя привозят в госпитали с войны, ты хоронишь сослуживцев, которым меньше повезло в этих ваших командировках, ты спишь с пистолетом под подушкой, тебе снятся кошмары и ты периодически лечишь постстрессовый синдром, которым на войне награждают так же часто, как орденами и медалями... У тебя их, конечно, много, но что с них толку? Разве они заменяют здоровье? Возможно, и детей у нас нет из-за последствий этой проклятой тайной войны!

Что тут возразишь? Она была права.

– Я поняла, что этот кошмар никогда не кончится, и в один, далеко не прекрасный, день тебе повезет меньше, чем обычно, тебя похоронят в дешевом гробу, но под оружейный залп, а я останусь престарелой, никому не нужной вдовой! Зачем мне ненормальная жизнь с тупиком в перспективе? Нет уж, лучше я сейчас попробую построить семью заново, пока...

Варвара не закончила фразу, но бросила выразительный взгляд в зеркало, где отражалась тридцатилетняя стройная, симпатичная рыжеволосая женщина. У нее явно были шансы разложить пасьянс заново. Пока... Пока есть молодость и товарный вид.

После развода городская квартира отошла жене, а служебная дача стала для тогда еще сорокалетнего подполковника Дединца родным домом. Не отличавшийся компанейским характером и раньше, он стал совсем нелюдимым и практически полностью прекратил общение с окружающими. Впрочем, окружали-то его только сослуживцы: подчиненные и начальники. Но и в этой строгой вертикали внеслужебного общения не было. Во всяком случае, для людей. Лишь огромный кобель немецкой овчарки по кличке Сигнал был исключением.

Пес тоже служил в спецназе. Выслеживал подозреваемых, находил мины и тайники с оружием, иногда, когда отстреливавшегося из укрытия боевика надо было взять живым, его пускали на задержание. Он находил раненых, проносил в огневое кольцо боеприпасы окруженным группам... Скольких врагов он уничтожил, скольких своих спас! Мало кто мог с ним в этом потягаться, хотя жизнь человеческая и длиннее жизни собачьей раз в семь... Так что орденов и медалей у него должно было быть больше, чем у хозяина, во всяком случае – не меньше. Но если даже люди не всегда достойно отмечаются за боевые заслуги, то собакам наград, естественно, не дают. Сигнал выслужил установленные сроки и, в соответствии с не знающей сантиментов прагматичной армейской логикой, вместо почестей и сытой спокойной старости получил списание с довольствия и приказ об усыплении. Дединец, в очередной раз нарушив инструкцию, забрал его себе, что дало лишний повод позубоскалить над чудачествами генерала.

Теперь Сигнал охранял дом. Во всяком случае, сам он так считал. Спецдача имела и охранную сигнализацию, и собственную линию секретной связи, и круглосуточные наряды из опытных, хорошо вооруженных «спецов». Вряд ли старый пес мог внести достойный вклад в обеспечение генеральской безопасности. Да и за самим Сигналом, когда генерал отсутствовал, присматривал садовник и повар, отставной сержант Миша, когда-то наступивший на противопехотную мину, лишившийся ступни и уволенный в отставку. И Сигнала, и Мишу Артем Николаевич содержал за свой счет, что тоже вызывало шутки, когда он проходил по министерским коридорам. Правда, шутили за широкой спиной предусмотрительно тихо.

Хотя Миша в свое время был кинологом и долгие годы работал с собаками, Сигнала он побаивался: похожий на волка зверь хотя и получал еду из его рук, но не привыкал и, в отличие от своих собратьев, ни привязанности, ни симпатий к опекуну за кашу с тушенкой не испытывал. Смотрел строго, иногда скалил клыки, изредка предостерегающе рычал – коротко, но внушительно. Собака-то не простая, специально обученная, ее хрен прикормишь! Скольких шайтанов она загрызла, никто не знал. Но все понимали одно: Сигнал это не сторож, не поисковик – Сигнал это оружие. А оружие, оно оружие и есть: старый, списанный АК боевых способностей не утрачивает... Заряди его, направь на кого-нибудь, нажми на спуск – и сам в этом убедишься!

Приезд хозяина Сигнал чувствовал заранее и тогда вел себя как самая обычная собака: перебирал лапами, поскуливал, бросался на решетку вольера.

Сегодня Дединец вернулся немного раньше обычного и, отпустив машину, как обычно, отправился выгулять пса. Хотя поселок и режимный: КПП со шлагбаумом на въезде, высокий забор, везде охрана, видеокамеры – следом за ним, грамотно распределив сектора обстрела, шли два охранника с автоматами на плече и рукой на рукоятке – так, чтобы мгновенно открыть огонь. Собака и трое военнослужащих шли вдоль высоких, выкрашенных в казенный зеленый цвет глухих заборов. Сигнал бегал взад-вперед, стараясь не отдаляться от хозяина. Казалось, он понимал: здесь кругом люди с оружием и пристрелить чужого пса им ничего не стоит. Так оно и было. Когда-то дачный поселок принадлежал Министерству обороны, занимал меньшую территорию и имел узкую номенклатуру проживающих. Потом он расширился, утратил ведомственную принадлежность: теперь здесь, наряду с генералами, жили и гражданские чиновники высшего уровня, банкиры и прочие олигархи и даже сомнительные личности, которые на современном новоязе именовались «авторитетными бизнесменами». Что удивительно – все они имели на это право, во многих домах стояли установки ВЧ-связи и телефоны АТС-1[6 - АТС-1 – прямая правительственная связь.], всех охраняли вооруженные представители различных силовых ведомств, а в последние годы и сотрудники частных охранных предприятий. Иногда у ворот просто дежурили ночами гражданские машины, набитые людьми в штатском, но с автоматами... Дединцу это не нравилось.

«Как могло все так перемешаться? – думал он уже в который раз. – И чем это кончится? Нельзя варить похлебку из свинины, говядины, баранины, птицы и рыбы, да еще надеяться, что каждый, хлебая из общего котла, получит именно

то, что ему нужно: и мусульманин, и христианин, и иудей, и даже вегетарианец... Нет, нажраться таким варевом можно, но сохранить принципы и убеждения нельзя... Неужели они этого не понимают?! Или просто делают вид, что все в порядке?»

- Ко мне, Сигнал! Держись поближе, дружище... Так будет лучше...

Недавно ночью стреляли на территории: кто, куда - неизвестно... Расценили как нападение на охраняемый объект, и естественно, меры безопасности еще усилили. Сам Дединец считал, что это никакое не нападение - они обычно по-другому заканчиваются... Скорей, кто-то из генеральских сынков развлекался - пальнул пару раз из отцовского пистолета... А может, эти, новые хозяева жизни... Пули и гильзы, кстати, не нашли - для нападения тоже странно... Значит, на своем участке побузили, потом собрали и выкинули подальше...

- Товарищ генерал, может, назад повернем? - раздался голос сзади. - Это уже квартал Синего...

Дединец на охрану внимания не обращал: привык. В разные переделки попадал: и стреляли в него, и взорвать пытались... Покушения не всегда были неудачными - вон сколько шрамов осталось на шкуре... Несколько раз ему объявляли кровную месть, а это дело серьезное - тут сроков давности нет. Но что поделаешь - служба такая. Носил всегда заряженный пистолет в кармане и полагался на судьбу да на умение открыть огонь за две секунды. А тут и закрытый поселок, и Сигнал, и два автоматчика - шел спокойно, дышал свежим зимним воздухом, размышлял о своем. Какой, на хрен, Синий? Кто он такой, чтобы его в расчет брать? Перемахнуть через забор да вырезать всех этих бандюков к чертовой матери! Хотя это же не «горячая точка»... И не самовольно они проникли на режимную территорию: кто-то из большого начальства их сюда запустил, подписал официальные бумаги, печати поставил... Нет, просто так резать их нельзя. А вот если дадут повод, то пусть на себя пеняют...

- Товарищ генерал...

- А гранаты у вас есть? - не оборачиваясь, спросил Дединец.

- Так точно!

– И боекомплект полный?

– Как положено...

– И у меня Стечкин с четырьмя магазинами... Неужто не управимся?

– Управимся, товарищ генерал!

– Ну, и продолжаем прогулку. Мне Сигнал важнее какого-то Синего... Хотя у него банка нет и миллионов в офшорах. Слышь, Сигнал, у тебя свой банк есть?

Пес подбежал, потерял ноги, виновато повил хвостом.

– Вот я ж и говорю. Ничего, обойдем весь квадрат – и вернемся! Пусть только тявкнут!

Со стороны могло показаться, что генерал не особо дорожит своей жизнью. А скорей всего, так оно и было. Во всяком случае, когда он еще лично участвовал в специальных операциях, в определенных кругах его прозвали Камикадзе. Он даже маску не надевал во время боевой работы. Потому кровники и вычислили его, искали в Москве, один раз даже засаду устроили у министерства...

Мимо двух «Гелендвагенов», дежуривших у очередных глухих ворот, люди и собака прошли обычным прогулочным шагом. Из машин никто не вышел, хотя обычно охрана Синего выражала недовольство вторжению на свою территорию – взглядом, позой, жестом... Хотя здесь они, конечно, ни на кого не «наезжали» и, можно сказать, вели себя совершенно прилично. Недаром многие соседи здоровались с хозяином за руку, поддерживая отношения заглядывали на «рюмку чаю» и приглашали к себе. Но Дединец к таким не относился и даже явной антипатии к «новому русскому» не скрывал.

Вернувшись с прогулки, Дединец завел пса в дом.

– Ужинать будете? – спросил Миша, который готовить изысканные блюда не умел, но накормить генерала мог вполне успешно.

– Нет, спасибо. Надо будет – сам возьму в холодильнике...

Дединец прошел в просторную комнату – что-то среднее между гостиной и кабинетом. На письменном столе стояли телефоны спецсвязи, у стены – потертый кожаный диван, кресло, журнальный столик, шкаф с книгами... Сигнал привычно лег у камина, зная, что скоро там заплещет пламя, а хозяин плеснул в бокал гватемальского рома, к которому пристрастился во время одной из давних командировок и про который недавно узнал, что именно «Закапу», а не его кубинские или ямайские собратья считается лучшим в мире... Вообще-то, в кругу сослуживцев Артем Николаевич считался непьющим, что официально объясняло отсутствие интереса к рыбалкам и охотам с коллегами. Но дома генерал позволял себе накатить бокал-другой – ром помогал расслабиться. А сегодня это было просто необходимо.

За окном зажглись фонари, освещающие заснеженный участок с расчищенной Мишей дорожкой. Сугробы по сторонам отсвечивали синеватым светом. Генерал с одной спички зажег сложенный в камине дровяной «домик», с бокалом в руке погрузился в глубокое кожаное кресло, удобно откинувшись на мягкую спинку. Сигнал перебрался поближе, положив тяжелую голову на ноги хозяину.

– Петухов все-таки генерала получил, – сообщил Артем Николаевич Сигналу и сделал первый глоток. Пес настороженно слушал.

– Так что Варвара правильно решила... Муж на паркете, там пули не летают, да всегда дома, под рукой. Компании, театры, рестораны, конечно, ей веселей. И спокойней. Вот и до шитых звезд дослужился... Только, говорят, пьет сильно...

Пес неодобрительно проворчал. Он очень чутко улавливал интонации хозяина и правильно на них реагировал.

Несколько минут Дединец задумчиво рассматривал бокал с янтарного цвета жидкостью, которая на фоне камина светилась, будто внутри горела небольшая лампочка.

– Хотя с чего ему пить? – продолжил Дединец, и Сигнал кивнул, соглашаясь. – Мы-то пьем, чтобы стресс снять, потому что другого лекарства доктора не придумали. А у этих, паркетчиков, какие у них стрессы? Только на должности удержаться, начальству угодить да на следующую ступеньку перебраться... Хотя это тоже стрессы! Но за Варю я рад, вот генеральшей стала, пусть ей и дальше хорошо будет...

Пес благодушно заурчал.

Дединец взглянул на часы, поставил бокал на журнальный столик, придвинул аппарат прямой министерской связи, снял трубку, назвал код отдела прикрытия...

- Двести двадцать семь, дежурный слушает! - сразу же отозвался молодой упругий голос. Принадлежал он розовощекому лейтенанту, генерал даже знал его имя, но сейчас не мог вспомнить.

- Доложите информацию по возвращению группы! - приказал Дединец.

- Товарищ генерал, после вылетной ШТ[7 - ШТ - шифротелеграмма.] донесений не поступало!

- О новых данных докладывать незамедлительно!

- Принял, товарищ генерал!

Дединец выпил ром и снова откинулся на спинку кресла.

- Они ведь что придумали, Сигнал, - заговорил он вполголоса. Услышав свое имя, задремавший пес открыл глаза.

- Они придумали так устроить, чтобы и невинность соблюсти, и капитал приобрести! Вроде никакого «Сандала» в природе никогда не было! Саббах, получается, сам умер со всем своим джамаатом, банды Абу Усмана и Сайди просто перессорились и друг друга перестреляли, Борза с его отрядом непонятно кто уничтожил... И ладно бы, если бы это была конспирация, а не политика! Ан нет, они политическую девственность хотят продемонстрировать! А в таком случае от них всего ждать можно, любой подлянки! И кому отдуваться за все придется? Ребятам, которые по краю ножа ходили и свою, а не чужую кровь проливали!

Сигнал зарычал.

– Правильно! И я так думаю, – генерал погладил его по голове. Сигнал, как самый обычный домашний пес, радостно забил хвостом по полу.

Миша принес сыр, колбасу и яблоки, опустил рольставни.

– Я еще нужен?

Генерал покачал головой.

– Отдыхай.

– Может, свет включить?

– Не надо. Камина хватает.

Артем Николаевич налил еще рому, выпил, закусил и долго сидел в полумраке, оживляемом красноватыми бликами живого огня. Незаметно выпил еще и еще. Постепенно накатила волна расслабления. И тут же пришла глубоко спрятанная мысль: «Что-то и я стал больше закладывать за воротник... Но где же ребята?»

Дединец включил настольную лампу и снова снял телефонную трубку.

– Есть новости по возвращению группы?

– Никак нет!

Голос дежурного уже не был сильным и упругим, Дединцу даже показалось, что он чем-то расстроен.

«Небось, тоже переживает за парней, – подумал генерал. – Уже давно должны были вернуться и выйти на связь»...

– А что по району их выдвижения? Какая оперативная обстановка? ЧП никаких не зафиксировано?

– Неизвестный вертолет потерпел крушение под Мохк-Мартаном, – вяло сообщил дежурный. В районе Ведьминых Зубов...

Дединец вскочил.

– Так что же ты яйца чешешь?! Немедленно выяснить, что за вертолет, причина аварии, последствия!

– Артем Николаевич. – Теперь в голосе молодого офицера звучало недоумение. – Я думал, вы знаете...

– Откуда я могу знать, если ты мне не докладывал?!

– Я не об этом, товарищ генерал. Сразу после предыдущего вашего звонка меня ознакомили с приказом...

– С каким еще приказом?

– С приказом о ликвидации отдела прикрытия и моем незамедлительном убытии в Сибирь, в Н-скую часть СПн! Еще немного – и вы меня бы не застали здесь – нужно в общежитие ехать, вещи собирать. И другие наши ребята сегодня убывают в разные места... Никто ничего понять не может...

«Вот оно как! Вот и начались подлянки!»

Дединец окаменело застыл, с телефонной трубкой на отлете.

– Товарищ генерал, вы меня слышите?

– Слышу, Николай! – Он все-таки вспомнил имя этого лейтенанта. – Спасибо за службу! И удачи тебе!

– Спасибо, товарищ генерал! – Лейтенант, похоже, был разочарован – он явно ждал помощи или хотя бы разъяснений. А для командира хуже нет ситуации, когда в нем разочаровываются подчиненные. Но сейчас речь не об офицерах, отправленных из Москвы в периферийные гарнизоны, – их жизням, по крайней мере, ничего не угрожает, а о пропавшей группе...

Дединец положил трубку, но тут же снова снял ее и соединился с оперативным дежурным Управления специальных операций.

- Подполковник Яснов! – доложил тот.

- Поднимай по тревоге дежурную группу! – приказал он. – Спецбортом в Моздок, дай ШТ, чтоб там встретили и сопровождали в Мохк-Мартан, к скале Ведьмины Зубы. Разобраться на месте крушения вертолета, организовать спасательную операцию, утром доложить!

- Гм... Кх... – Звуки, которые раздавались на том конце связи, не соответствовали ни уставу, ни субординации, ни существующей в УСО железной дисциплине, ни личным отношениям генерала с подполковником Ясновым, который отличался исполнительностью, безукоризненной точностью в исполнении приказов и высокой грамотностью.

- Что там такое, Яснов?! – рявкнул Дединец. – Доложи, как понял приказ!

- Извините, товарищ генерал... Только что поступило распоряжение. – Подполковник говорил коряво и косноязычно, поэтому Дединец понял, что сейчас услышит. – ?Вы с сего дня отправлены в отпуск для прохождения медицинского обследования в связи с предстоящим увольнением со службы. Исполняющим обязанности назначен генерал-майор Коцубенко. Так что извините, Артем Никола...

Дединец отключился, набрал несколько министерских номеров, но прояснить обстановку до конца не смог. Удалось выяснить лишь, что катастрофа предположительно военного вертолета в районе Мохк-Мартана действительно произошла, что на месте создана следственная группа, которая ведет расследование, но сумерки вынудили отложить осмотр места происшествия до утра.

- Ну и бардак! – Генерал выругался. – Ну и суки!

Сигнал вскочил на ноги и грозно зарычал, полностью соглашаясь с хозяином. Генерал налил еще бокал, но пить не стал, зная, что за этим последует: он напьется, вызовет Мишу, спросит – готов ли тот немедленно лететь в Мохк-

Мартан, Миша с энтузиазмом согласится, к ним примкнут два бойца охраны, он начнет требовать для созданной группы оперативного реагирования спецборт и дело выльется в скандал, который завтра станет предметом обсуждения всего министерства...

Поэтому он, не раздеваясь, лег прямо здесь, на диване, рядом на ковре приткнулся Сигнал, и они заснули, причем оба видели беспокойные сны. Человек иногда вскрикивал и отдавал команды, а пес рычал. Но они не могли ничем помочь «Сандалу», это входило в компетенцию других людей.

Глава 2

Призраки с неизвестного вертолета

Чечня, Ханкала, штаб Объединенной группировки, 2004 г.

Армейские сухпайки, тушенка и макароны военному прокурору Объединенной группировки[8 - ОГВ(с) – Объединенная группировка войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.] полковнику юстиции Бордюгову уже порядком надоели. Но сегодня на ужин случилось жаркое из случайно (а может, и не очень случайно) застреленной коровы, и, нужно сказать, оно удалось поварам на славу. Вернувшись из столовой в свой вагончик, прокурор взял одну из лежавших на холодильнике видеокассет, что привез недавно из Моздока, вставил ее в видеоманитофон, снял камуфлированную куртку, ослабил ремень и уже намеревался прилечь, как зазвонил стационарный телефон внутренней связи.

– Вас вызывает генерал Свиридов! – сообщил дежурный. – Срочно!

– Принял!

Бордюгов вздохнул и принялся одеваться. Торопился, впрочем, он не сильно, поэтому, когда вошел в кабинет командующего группировкой, кроме самого генерал-майора там уже были начальник разведки подполковник Крюков,

начальник авиации подполковник Бронеславов и новый руководитель военной контрразведки – полковник Витальев, которого Бордюгов толком не знал.

– В Мохк-Мартановском районе упал вертолет, – без предисловий сообщил генерал.

Присутствующие молчали. Похоже, один Бордюгов был пока не в курсе.

– Чей? – спросил он.

– Со слов очевидцев – камуфлированной раскраски.

– Группа подполковника Нижегородцева?

– Нет. Тот вертолет успешно приземлился в Моздоке и, как докладывает начальник авиации, уже улетел дальше.

Свиридов взглянул на Бронеславова. Подполковник кивнул:

– Так точно, улетел по маршруту.

– А чей? – повторил вопрос прокурор.

Генерал продолжал смотреть на начальника авиации.

– Пока неизвестно, – сообщил тот.

– Как это? – удивился Бордюгов.

Вопрос повис в воздухе.

– Завтра вы это выясните! – после паузы сказал генерал. – Лететь туда в ночь необходимости нет, место падения и выжившие охраняются силами местной милиции. А погибшим мы уже ничем не поможем. Так что полетите утром.

– Начальник авиации! – обратился он к Бронеславу. – Подготовьте к утру проект приказа от моего имени о создании комиссии по расследованию авиационного происшествия!

– Расследование должно проводиться тем подразделением, чье воздушное судно потерпело катастрофу, – попытался возразить Бронеслав. – В группировке, как я докладывал, за истекшие сутки авиационных происшествий не было.

– Вертолет упал на нашей территории, – повысил голос генерал. – Вы предлагаете ничего не делать, сидеть и ждать, пока кто-то начнет его искать? А в Москву сообщить, что в нашей зоне ответственности разбился НЛО?

– Есть подготовить проект приказа!

– Председателем комиссии назначаю вас, – смягчил тон Свиридов. – Остальных включите на свое усмотрение.

– Есть!

– Там есть где приземлиться?

– Так, чтобы прямо рядом, нет: холмы со скальными включениями, ровную площадку и не найдешь. Можно на поле сесть и пешком идти, но как бы наш вертолет не обстреляли – слишком привлекательная мишень, а видно его будет издали...

– Что предлагаете?

– В нескольких километрах оттуда мотострелковый полк дислоцирован. У них там оборудованная площадка должна быть. Если транспорт нам выделят до места от них добраться...

– Выделят! Правильно, лишний риск нам ни к чему, приземляйтесь в полку. Там вас и покормят... И, кстати, что от вертолета осталось, можно будет туда перетащить.

– Понял, – кивнул Бронеслав.

– Так, может, он в тот полк и летел? – предположил военный прокурор.

– По радиосвязи у них трудно что-либо выяснить, – сказал начальник авиации. – Пехота же.

Он осекся и взглянул на Свиридова. Но генерал нелестные слова о пехоте пропустил мимо ушей.

– Уголовное дело вы ведь в любом случае возбуждать будете?! – обратился он к Бордюгову. – Вертолет-то наверняка военный, хоть и залетный.

– Да, будем возбуждать. Потом, если что, передадим по подследственности.

– Вот, значит, вместе завтра все и выдвигайтесь на место! К полудню я должен обладать первичной информацией: кто летел, куда, откуда, какие потери, предположительная причина катастрофы! Все, все свободны!

Выйдя из кабинета, начальник авиации направился к вагончику, где жил авиаинженер группировки.

– Михалыч! – распорядился он. – Бери спецов по «вертушкам» и приходите ко мне.

Бордюгов тоже зашел к своим, предупредил, кому предстоит лететь завтра с ним. Не будет же военный прокурор группировки лично следственные действия проводить – писать протокол осмотра места происшествия, изымать вещдоки, допрашивать свидетелей и прочее...

Вернувшись в кубрик, он лег спать: завтра предстоял долгий и напряженный день. Но мысли о переданном в Главную военную прокуратуру деле по нападению на военную колонну не давали заснуть. Странное дело! Трупы куда-то исчезли, в кузове баранья кровь, загадочный вертолет без установленной принадлежности... Как бы это не он лежал сейчас на Ведьминых Зубах... Столько загадочных событий не могут произойти по отдельности – это звенья какой-то одной, очень хитрой цепи, к которой не давал и близко подойти этот подполковник из Центра «Т» Нижегородцев[9 - Эти и другие упоминаемые события описаны в романе «Сандал» пахнет порохом.]. Будет неудивительно,

если он опять свалится на голову и вновь начнет ставить палки в колеса...

В конце концов усталость взяла свое, и прокурор провалился в путаный и беспокойный сон.

* * *

Утро выдалось неприветливым. Небо затянули серые тучи, а по земле стелился густой туман. Зимой здесь такое бывает. Причем растягивается на недели. Ветер свищет, тучи ходят между горами туда-сюда, словно отталкиваясь от них, как мячик пинг-понга от ракеток.

Представительная делегация, комиссия по расследованию авиапроисшествия и следственно-оперативная группа, стояла на взлетке у печально опустившего лопасти вертолета. Здесь были начальник авиации и три его специалиста, военный прокурор с двумя следователями, начальник контрразведки с подчиненным опером, начальник разведки, шестеро спецназовцев, выделенные для физического прикрытия. Все подняли воротники и, нахохлившись, как воробьи на проводах, переминались с ноги на ногу.

– Похоже, это надолго, – поежившись, сказал начальник разведки. – Может, автомобильной колонной двинемся?

– Не годится! – отрезал прокурор. – Тащить колонну через половину республики... Это когда же мы информацию соберем? Когда генералу доложим? Когда в Москву передадим?

– Хрен с ней, с информацией! – буркнул начальник авиации. – Там еще живые могут быть. Несколько раненых местная милиция вчера нашла, отвезли в больницу. Теперь надо хорошо все вокруг осмотреть!

– И это правильно, – поправился Бордюгов. – Люди важнее!

Минут через сорок туман у земли рассеялся, нижний край поднялся до ста метров. По наставлению, для полетов этого недостаточно, особенно в горной местности, но опытные или отчаянные летуны смотрят не в инструкцию, а в остекление кабины.

– Грузимся! – крикнул Бронеславов и первым полез на борт.

Заняв место командира, он вел машину на минимальной высоте, обходя холмы, линии высоковольтных передач и другие препятствия – как говорят в кругу пилотов – «пузом по кукурузе».

До мотострелкового полка долетели быстро. В месте назначения ветер был порывистый, коварный. Но Бронеславов был не просто командиром авиации, но и мастером летного дела. Вертолет послушно плюхнулся точно в центр посадочной площадки, качнулся на амортизаторах и замер.

В подразделении подробностей о разбившемся вертолете не знали – командир доложил коротко: выдвинулись к месту падения, отогнали огнем мародеров, потом подоспели местные милиционеры, которые и занялись охраной места происшествия, а мотострелки вернулись в расположение части.

– Но транспорт по вашей телефонограмме приготовили, можете ехать, – закончил доклад уставший, рано начавший сидеть подполковник.

Прибывшие расселись в двух выделенных им бээмпэшках[10 - БМП – боевая машина пехоты.], замыкающим поставили бортовой «Урал», и выдвинулись к месту катастрофы. Ведьмины Зубы оправдывали свое название: уже издали большой холм со скальными включениями напоминал нижнюю челюсть спящей или мертвой ведьмы. Колонна поднялась по извилистой дороге почти до нужного места.

Начальник местного отдела милиции был уже там – невысокий, коренастый, с худощавым волевым лицом и глазами много повидавшего человека. Одет он был живописно: зимний камуфляж без знаков отличия, милицейская фуражка, автомат на одном плече, планшетка – на другом.

– Капитан Юсупов! – представился он. – Кто старший, кому докладывать?

– Полковник юстиции Бордюгов! – протянул ему руку прокурор. – Предлагаю так: вы нас всех введете в курс дела, а потом уже каждый по своей линии будет заниматься. Комиссия по расследованию авиапроисшествия – по своей, мы – по своей.

– Хорошо, – кивнул встречающий. Прибывшие окружили капитана полукругом. Всего в нескольких метрах от них на черном пятачке выжженной земли белела огромная куча пепла с торчащими из нее законцовками лопастей несущего винта. Чуть дальше несколько местных милиционеров грелись у костра. По-видимому, в оцеплении места происшествия они провели всю ночь. Еще дальше бригада энергетиков восстанавливала порванную при падении линию электропередачи. По сорванным проводам и следу на земле, обрывающемуся у скалы, можно было проследить направление движения сбитого вертолета за мгновение до полного разрушения. А вот раньше... Кто знает, как его кружило перед падением?!

– Выживших четверо, – сообщил капитан. – Они доставлены в районную больницу и находятся под охраной моих сотрудников. Допросить их сегодня вряд ли получится. Доктор сказал – может, завтра кого-то и можно будет... Но свидетелей много: как вертолет падал, полсела видело. И след от ракеты видели – его из заброшенного коровника пустили. Там и трубу от «Иглы» нашли...

– Как вы узнали о происшествии? – спросил прокурор.

– Глава сразу нам сообщил и сюда поехал с людьми на нескольких машинах. Хорошо, что тут первыми военные оказались. Они бандитов и распугали, те одного раненого дострелить успели, несколько автоматов забрали... А потом мы подъехали, раненых в больницу отвезли... Трупы не трогали – их там, повыше, много, где вертолет об землю ударился. Только многие сгорели. – Капитан махнул рукой на кучу пепла. – Кости там есть, черепа... Хотя мы особенно не копались...

Юсупов замолчал. Все выжидающе смотрели на него, ожидая продолжения. Капитан задумался, вспоминая, что мог упустить.

– Оружие, которое нашли, в отдел отвезли, опись составили... Вроде все. Только думаю: откуда эти шайтаны взялись? У нас их давно уничтожили... И надо же – опять, да еще с «Иглой»...

Милиционер снова замолчал.

– А дальше? – спросил Бордюгов. – Вы установили личности?

– Кого, свидетелей? – не понял капитан. – Говорю же – глава села лично звонил и люди его, он всех знает. Чего их устанавливать?!

– В вертолете кто был? – не выдержал контрразведчик. – Как фамилии раненых? Кто они такие, откуда?

– Этого я не знаю, – удивленно развел руками Юсупов. – Говорю же, без сознания они были – кто ранен, кто контужен, кто в шоке... Кому надо – операции сделали, спят под успокоительным. А откуда – так это же вы знать должны! Военные – не наше дело. Охрану мы выставили и здесь, и в больнице. Раненые в безопасности... Что еще? Документов при них не было, жетонов тоже... Да, вот я материал собрал, там все расписано: и рапорт, и объяснения сотрудников, и описи вещдоков...

Капитан достал из планшетки пачку схваченных скрепкой примятых листов бумаги, исписанных отнюдь не каллиграфическими почерками, протянул прокурору.

– Вы все правильно сделали, – успокоил милиционера Бордюгов. – Я вас попрошу, съездите с моим следователем к главе села, пусть он свидетелей допросит.

– Съездим, конечно! Во-о-о-он мой уазик, можем ехать, если я больше тут не нужен.

– Нам бы еще автокран. Погрузить в «Урал», что осталось.

– Пришлю, без проблем!

Когда Юсупов со следователем и двумя спеназовцами уже садились в машину, к ним подошел Бордюгов.

– У меня есть к вам еще одна просьба...

– Слушаю! – обернулся начальник райотдела.

– Проследите, чтобы раненые между собой не общались, пока мы их не допросим.

– Это еще зачем? – удивился Юсупов.

– Положено у нас так. Следственная бюрократия.

– Ну, раз положено, – кивнул капитан. – Сделаем!

На месте катастрофы комиссия работала долго. Следователи и оперативники контрразведки уже описали и отсняли на фото место происшествия и его окрестности, допросили свидетелей, сообщили по радиосвязи в Ханкалу номера изъятых автоматов... А авиационные специалисты все еще продолжали копать в куче пепла, откуда извлекли несколько черепов и костей скелетов.

– Это все, что от тел осталось? – спросил Бордюгов у начальника авиации, когда тот наблюдал, как прибывший автокран грузит в кузов «Урала» обгоревший двигатель.

– Как обычно, – покачал головой Бронеславов. – Да и что тут может остаться?! Дюраль жарким пламенем горит, там тысячи градусов... Хорошо, что в САРПП мощная противоогневая защита... Лишь бы найти...

– Что это такое?

– Система автоматической регистрации параметров полета. «Черный ящик», по-вашему.

– Есть! – донеслось в этот момент со стороны авиаспециалистов, возившихся в пожарище.

Чумазый инженер осторожно поднял из пепелища обгоревший ящик.

– Хорошо! – ответил Бронеславов. – Наберите пепла, чтоб в гробы положить, да будем сворачиваться. Здесь больше делать нечего.

Чечня, Мохк-Мартан, 2004 г.

Очнулся Граф в больнице. Совсем ненадолго. Обвел мутным взглядом склонившихся над ним медиков и снова провалился в забытие.

– Со сбитого вертолета... Все сгорели, а этот в рубашке родился... Ушиб головы да рана в плечо... Надо пулю вынимать... Давай наркоз... – прорывались в сознание обрывки фраз.

Но вскоре звуки пропали, и Граф провалился в тяжелый, без сновидений сон.

Бзын-н-н-нь! – лопнула натянутая бечева... Он уже слышал когда-то этот звук. И ничего приятного с ним связано не было. Скорей наоборот...

Аюб открыл глаза. Осторожно повернул голову – казалось, она сейчас лопнет – осмотрелся: четырехместная палата, свежеевыкрашенные бледно-зеленые стены, стеклопластиковая дверь плотно закрыта, извне никаких звуков не слышно, окно тоже из пластика, не зарешечено, судя по дереву за ним – второй этаж. Две кровати аккуратно заправлены, а на третьей, по диагонали от Аюба, свесив на пол ноги в ботинках с высокими берцами, лежит человек в натовском камуфляже. Лицо его повернуто в сторону Аюба, но глаза закрыты – спит. Под правой рукой у незнакомца автомат, на тумбочке рядом стоит портативная радиостанция, лежат кроссворд и шариковая ручка, а из-под подушки виден свернутый ремень с пистолетом в кобуре. «Снял, чтобы не давило, – понял Граф. – Тоже мне, воин!»

Аюб приподнял простыню с одеялом, осмотрел себя. Из одежды на нем остались лишь трусы. Нашупал рукой оберег на груди – запечатанный муллой маленький кожаный мешочек с написанной на бумаге молитвой внутри. Кроме левого плеча теперь забинтована еще и голова. Ощупал – повязка не полностью и волосы не сбриты, значит, не так уж все страшно. Осмотрел край простыни, где обычно бывает штамп на больничном белье – так и есть: «Мохк-Мартановская ЦРБ».

«Значит, из Чечни улететь не успели, – размышлял Аюб. – Сбили нас над Мохк-Мартаном и доставили в ближайшую больничку. Кого, кстати, нас? И где остальные?»

– Эй! – негромко позвал он.

Охранник лишь пошевелился во сне.

За дверью слышались шаги, и в палату вошли двое: пожилой чеченец в белом халате, судя по всему – врач, и молодой, в такой же форме, как и охранник, но из оружия лишь «Стечкин» на боку – явный признак, что он здесь старший – командир отделения, а может, даже замкомвзвода.

– Я же просил, чтобы в этой одежде сюда не заходили, – укоризненно сказал врач. – Еще и на кровать лег.

Старший охраны подошел к кровати, взял автомат подчиненного, повесил себе на плечо. Потом взял с тумбочки рацию, проверил регулятор громкости. Стерильность палаты сейчас волновала его явно меньше всего.

– Спишь?! – взревел он.

Охранник вскочил, сел на кровати, спросонья пытаюсь найти автомат.

– Оружие ищешь? – не давая ему опомниться, продолжал старший. – Почему по рации не отвечал?

– Батарейка села, – попытался оправдаться охранник.

– Не села! Звук убрал, чтобы спать не мешала. Не высыпаясь, да?

Охранник надел ремень с пистолетом в кобуре и встал.

– Конечно не высыпаясь, – сказал он. – Я же ночью в патруле был.

– Ничего, на гражданке теперь выспишься! Уходи, жди меня на улице! Скажи Маге, пусть сюда идет!

Охранник вышел.

– Как себя чувствуете? – спросил врач по-русски.

- Бывает и лучше, – тоже на русском ответил Аюб.

- Голова кружится?

- Да.

- Вы помните, что произошло?

- Не совсем.

- Травма головы получена не при ударе об землю. Если бы вы приземлились на голову, мы бы уже ничем не помогли. Похоже, вы были без сознания, когда падали. Мышцы были расслаблены. Если бы пытались сопротивляться травме, получили бы удар по сокращенным мышцам, порвали бы сухожилия...

- Сколько я проспал?

- Почти сутки.

- Где мои вещи? У вас или друзья мои забрали? – попытался совместить два вопроса в один Аюб.

- Значит, вы все-таки помните, что произошло?

- Нет.

Аюб закрыл глаза и сделал вид, что ему очень больно. Впрочем, сильно притворяться не пришлось, чувствовал он себя действительно скверно. Старший охраны следил за их разговором, внимательно рассматривая Графа.

- Ты чеченец? – неожиданно спросил он по-чеченски.

Аюб решил, что скрывать нет смысла.

- Да, я чеченец.

– Диктуй полные данные!

Граф молчал.

– Э, не засыпай! Мне ж нужно в рапорте указать.

– Ему нельзя пока долго разговаривать, – вступился за Аюба врач, тоже перейдя на чеченский.

– Ладно, – согласился старший охраны и спрятал в карман приготовленный блокнот.

В палату вошел новый охранник.

– Куда без бахил, без халата?! – замахал на него руками врач.

– Мага, иди в коридоре будь! – приказал старший.

Тот послушно исчез за дверь.

– Утка под кроватью, ее легко достать не вставая, – сказал врач. – Вода на тумбочке. Если что-то нужно, можно позвать охранника, он позовет медсестру. Вставать я категорически запрещаю!

Врач повернулся и пошел к выходу. Старшему охраны не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

Чечня, Ханкала, штаб объединенной группировки, 2004 г.

На очередное совещание у командующего Объединенной группировкой пришел начальник инженерно-авиационной службы, прибывший из Моздока.

– Подполковник Прохоров Алексей Иванович! – представил прибывшего начальник авиации. – Главный специалист по летным происшествиям.

Инженер как-то неловко поднялся, демонстрируя угловатость и привычки гражданского человека.

– Докладывайте, подполковник, что вам удалось выяснить! – потребовал генерал Свиридов. – Сидя докладывайте.

Прохоров сел.

– В результате проведенных исследований изъятых с места авиационного происшествия деталей установлено, что разрушение лопастей свободной турбины левого двигателя характерно для повреждений от боевой части ракеты ПЗРК, – сообщил он. – В ходе вскрытия блока САРПП-12ДМ обнаружено, что в нем отсутствует накопитель информации.

– Что это значит? – судя по тону, Свиридов начинал терять терпение.

Прохоров молчал. Начальник авиации догадался, что вряд ли его коллега сможет объяснить сказанное более доступно. Просто потому, что искренне не понимает, что тут можно еще разъяснить.

– Товарищ генерал! – взял он инициативу в свои руки. – Этот блок, так называемый «черный ящик», состоит из регистратора, накопителя и датчиков. Регистратор и накопитель находятся в герметичном контейнере в хвостовой балке. В одной коробке, проще говоря. Накопитель, это по факту защищенные кассеты с фотопленкой. На пленку с помощью световых лучиков записываются основные параметры полета. С помощью нехитрой методики параметры потом дешифруются. Так вот, в изъятом с места происшествия блоке накопителя не оказалось.

– Куда же он делся? – все еще недоумевал генерал.

– Вскрыть блок до того, как мы его нашли, никто не мог, – уверенно сказал Бронеславов. – Значит, накопителя в нем и не было.

– Та-а-а-ак, – протянул Свиридов. – Получается, вертолет летел без черного ящика?!

– Получается, так, – кивнул Бронеславов. – Но это не наш вертолет и авиаслужба полка никакого отношения к нему не имеет!

– Тебе лишь бы свою задницу прикрыть! Вертолеты летают без «черных ящиков», хотя это категорически запрещено! Авиация! У нас тоже так?

– Никак нет! – ответил начальник авиации. – На всех наших система автоматической регистрации установлена, как положено!

– Да я не удивлюсь, если не на всех! – не успокаивался генерал. – Никакой дисциплины!

Бронеславов предусмотрительно промолчал.

– У вас все, больше нечего сказать? – обратился Свиридов к докладчику.

– На внутренней части прибора сохранился так называемый «шильдик», – доложил тот, пытаясь объяснять по примеру коллеги просто и доходчиво. – Нами был направлен запрос на завод-изготовитель с просьбой предоставить информацию, куда был поставлен комплект САРПП с таким номером. Официальный ответ будет позже, но в телефонном разговоре мне сообщили следующее...

Инженер открыл ежедневник, заглянул в него, полистал страницы...

– Указанный блок был изготовлен в 2000 году. В том же году передан на Н-ский вертолетный завод для оснащения выпускаемых вертолетов. В 2002 году по рекламации из войсковой части 7178-Ц данный блок прибыл на завод-изготовитель по гарантии для дефектации и принятия решения о дальнейшей эксплуатации. На основании проведенной дефектации принято решение о нецелесообразности дальнейшего использования этого блока, и он утилизирован, о чем по факсу нам прислали копию акта. Получается, что найденного на месте катастрофы блока просто не существует...

В кабинете воцарилась тишина. Пауза затягивалась.

– А номер на двигателе должен же быть?! – спросил генерал. – Вы же двигатели забрали!

– Так точно! – подтвердил Прохоров. – Двигатели произведены на Украине, у нас такие не производят. Но по номерам данные двигатели в Россию не поступали. Мы направили запрос на завод-изготовитель, но когда будет ответ, неизвестно. И будет ли он вообще?! Я знаю случаи, когда восстановленные «левые» вертолеты продают в Африку и другие страны третьего мира...

– Как такое может быть? – не выдержал прокурор. – Это же военный вертолет! И здесь не Африка!

– Мы не можем точно утверждать, что вертолет военный, – возразил начальник инженерно-авиационной службы

– Даже так?! А чей тогда? – возмутился генерал Свиридов.

– Пока нам это установить не удалось.

– Пока, – раздраженно повторил генерал. – Как говорится, не пройдет и полгода... У вас все?

– Так точно, доклад закончил!

– Товарищ военный прокурор! Что удалось выяснить вам?

Бордюгов шевельнулся, обозначая намерение встать, но, подчиняясь движению генеральской руки, остался на месте.

– Показания очевидцев авиакатастрофы подтверждают выводы, озвученные представителем авиации: вертолет был сбит из переносного зенитно-ракетного комплекса. Установлено место пуска ракеты, найден контейнер ПЗРК. По поиску вещественных доказательств там сейчас работают приданные силы под руководством начальника разведки и местная милиция.

– Час от часу не легче! – проворчал генерал. – Вертолет без «черного ящика», с «левыми» двигателями, кому принадлежит – неизвестно... Какие мысли по этому

поводу?

– Есть подозрение, что это как-то связано с деятельностью убившего в день авиакатастрофы спецпредставителя Управления «Т», – сквозь зубы проговорил военный прокурор.

– Как это может быть с ним связано?! – отмахнулся генерал. – Я помню про ваши с подполковником Нижегородцевым разногласия. Ну оставьте уже личные амбиции!

– Никак нет! – возразил Бордюгов. – Амбиции здесь ни при чем. Помните дело о нападении на колонну федеральных сил?

– Помню, – кивнул генерал. – Но к счастью, там никто из наших бойцов не пострадал. Даже странно: при подготовленном обстреле из засады...

– Там много странного, товарищ генерал. Подполковник Нижегородцев забрал у меня его для передачи в Москву. Вполне официально забрал: я подшил в наряд шифрограмму Главной военной прокуратуры с требованием передать дело и его расписку...

– И что здесь странного? Разве это первое дело, которое у вас забирает вышестоящий орган?

– Нет, не первое. Но первое, которое пропало бесследно!

– То есть? – нахмурился генерал.

– Потом я сделал запрос в Москву. Так вот, мне ответили, что Главная военная прокуратура дело к производству не принимала и никаких сведений о нем нет.

– Это ничего не доказывает, – сказал генерал. – Там же куча дел, могли и напутать что-то в учетах. Да и вертолет-то тут при чем?

– Помнится, тогда тоже упоминался неизвестный вертолет, замеченный там же, где проявляла себя «третья сила» – неизвестное воинское формирование, действовавшее как против боевиков, так и против федеральных

подразделений...

– Какая там третья сила?! Ну ладно, разведка выдумала красивое название, чтобы показать, как хорошо они работают... Но вам-то это зачем?

– Я заново возбудил дело по нападению на колонну, товарищ генерал-майор! Мои люди заново допросят свидетелей, постараются найти гильзы на месте происшествия, установить, не были ли они отстреляны из автоматов, изъятых у выживших в авиакатастрофе...

– Это ваше право, товарищ подполковник юстиции, – подчеркнуто официально сказал Свиридов. – Но что вы надеетесь установить своим расследованием?

– Не знаю, – отвел взгляд Бордюгов. – Просто хочу разгадать одну из загадок, которые во множестве окружали упомянутого вами Нижегородцева.

– Что ж, попробуйте. Личности выживших установлены? С ними уже работали?

– Пока такой возможности не было. Но начальник местной милиции, чьи подчиненные их охраняют, мною проинструктирован. Я надеюсь, в ближайшее время нам удастся их допросить.

Чечня, Мохк-Мартан, 2004 г.

Следующие два дня ощутимых изменений в осведомленности Аюбу не принесли. Новые охранники несли службу исправно, опасаясь повторить судьбу предшественника. Все-таки дежурить в теплой больнице лучше, чем бегать с автоматом зимой по горам, или вкалывать за гроши на гражданке. Да на гражданке попробуй еще работу найти. Особенно если профессии нет. Под взорами охранника пожилая санитарка приносила Графу пищу, все остальное время он находился в коридоре, сидя на мягком диване рядом с постом медсестры.

Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, Аюб решил активности не проявлять. Тем более что по его расчетам ждать осталось недолго – Мухтарыч наверняка уже доложил о случившемся и скоро за ними приедут. Командир

напрямую контактировал с руководством, и только он знал – кому именно они подчиняются. А если с Мухтарычем что-то случилось? Где тогда искать концы? Правда, Провайдер помогал командиру устанавливать связь в сложных условиях, и хотя выполнял роль технического специалиста, но должен знать координаты Центра... Но где сам Провайдер?!

Аюб гнал нехорошие мысли: в любом случае группу будут искать! Про аварию вертолета узнают, потом в Центр поступят их легендированные данные и их местонахождение обнаружат. Но почему здесь их держат отдельно, ничего не сообщают, такое впечатление, что он единственный выживший! Хотя это не так: однажды, когда молодая медсестра ставила Графу капельницу, охранник замешкался и вошел в палату чуть позже. В тот раз Аюбу косвенно удалось выяснить, что в больницу его доставили не одного. Она так и сказала: «Когда вас привезли, не я дежурила». Учитывая, что в чеченском языке нет формы единичного обращения на «вы», нетрудно догадаться, что она имела в виду множественное число. Значит, тут есть кто-то еще из группы. Но кто, сколько их, где они, где остальные, всем ли удалось выжить?.. И еще много вопросов волновали Графа. Очень много.

На третий день перед обедом в палату, как всегда без стука, зашел охранник с двумя стульями в руках, на которые уверенно уселись два неизвестных человека в военной форме.

– Следователь военной прокуратуры капитан юстиции Красковский! – представился один из гостей.

– Старший лейтенант Бараков, контрразведка! – кивнул другой.

Охранник вышел, оставив их наедине.

– Как вы себя чувствуете? – стандартно начал разговор капитан. – Врач сказал, что вас уже можно допросить.

– Ему виднее, – усмехнулся Граф.

– Вот и хорошо! Давайте так: сначала вы мне все подробно расскажете – кто вы, откуда и куда летели, что произошло, а потом я занесу это в протокол. И еще: я должен предупредить вас об уголовной ответственности за дачу ложных

показаний.

Аюб промолчал.

– Мы вам представились, – продолжал следователь. – Представьтесь и вы нам!

Он достал из кожаной папки бланк протокола, приготовился записывать.

– Аюбов Шарип Мурадович, войсковая часть 88606, – назвал Аюб свои данные прикрытия.

При поступлении запроса в Минобороны на их проверку он незамедлительно будет направлен в Управление специальных операций. А там сразу вмешаются – по засекреченной связи инициатору проверки поступит команда оставить проверяемого в покое. Так должно быть, так объяснял Мухтарыч, и до сих пор всегда было именно так. Хотя напрямую «сандаловцы» с этим механизмом не сталкивались: это была задача подполковника в темных очках под позывным Вампир. Только где они сейчас: и Мухтарыч, и Вампир?

– Где ваши документы? – спросил Красковский.

– Не знаю. Наверное, сгорели.

– Где ваш жетон?

– Потерял, где же еще? Меня сюда без сознания доставили...

Он представил, как бы пришел в банду Саббаха с документами в кармане и с жетоном на груди и невольно улыбнулся. Следователь воспринял это по-своему.

– Я спросил что-то смешное?

– Нет, это нервное. Я себя-то плохо помню, а уж про жетон...

– Откуда вы летели?

- Не помню.

- Понятно...

Следователь повернулся к особисту.

- У этого тоже память отшибло. Что будем делать?

- Ну а что тут поделаешь?! - Бараков картинно пожал плечами. - Покопаемся в этой темной истории, запросим Министерство обороны, проверим то, что они нам напели, подсоберем факты - картина и прояснится!

- По части пения - это не о нас, - хмуро сказал Аюб. - Певцов среди нас нет!

- Хорошо, что вы это помните! - усмехнулся контрразведчик. - Значит, память возвращается!

- А логическое мышление и не исчезало! - так же хмуро продолжил Аюб. - И я понимаю, что вы к нам относитесь недоброжелательно и с недоверием!

- Не обращайтесь внимания, - успокоил его следователь. - Это просто профессиональный жаргон. Я вам верю. А «контрики», вы же знаете, мать родную готовы подозревать...

Красковский, вроде незаметно, подмигнул своему спутнику. И Аюб понял, что они, как в голливудских фильмах, играют в доброго и злого следователя. Впрочем, он и так это знал, без всякого кино и подмигиваний.

- Выздоровливайте, - доброжелательно улыбнулся Красковский.

- И я желаю того же! - кивнул Бараков. - Ведь мы вовсе не такие плохие, как о нас иногда думают...

Вежливо поклонившись, визитеры ушли.

Москва, декабрь 2004 г.

– Поступил запрос из военной прокуратуры Объединенной группировки, – доложил помощник оперативному дежурному по Министерству обороны. – Насчет подтверждения личности четверых военнослужащих из в/ч 88606. Такой части в реестре нет. Может она из этих... Ну, которые в отдельном списке?

Грузный подполковник достал из сейфа черную кожаную папку, просмотрел листы с грифами высокого уровня секретности и покачал головой.

– Среди частей прикрытия такой нет... Правда, эти списки меняются... Позвони на всякий случай «спецам», в их конспиративный отдел.

– Звонил. Там телефон отключен. В кадрах сказали – отдел вообще расформирован.

– Ну, раз так, – подполковник пожал плечами, немного подумал. – Подготовь ШТ: «Воинская часть 88606 в реестре Минобороны отсутствует. Перечисленные вами лица в списках личного состава не значатся...»

– Я понял, – кивнул капитан.

* * *

Передача дел заняла почти целый день. Но наконец акт передачи документации был подписан. Точнее, акт передачи почти всей документации.

– Что-то вы хмурый, Артем Николаевич! – сказал Коцубенко. – Вы не думайте, что это я торопил с приказом – слово офицера! Мне спешить некуда – месяцем раньше, двумя позже... Старшие сами решили, почему такая спешка – не знаю.

– Да я и не думаю, – ответил бывший начальник Управления специальных операций. – Меня другое заботит...

– Ну и хорошо, у меня словно гора с плеч... А давайте перекусим и махнем по рюмке! Новый год на носу, старый проводить надо...

Дединец усмехнулся.

- Это верно. Я старый, ты новый...

- Артем Николаевич! - Коцубенко развел руками. - Я же совсем не к этому...

- Мы еще дела не закончили.

- Закончим! Основное-то сделали!

- Не знаю...

- Перерыв на десять минут и закончим! - Коцубенко увлек предшественника в комнату отдыха где, оказывается, был накрыт стол. Нарезка из суджука и бастурмы, слабосоленая семга, отварная картошка, принесенные из столовой и уже остывшие отбивные, кизлярский коньяк и карачаевская водка...

Дединец покрутил головой.

- Да здесь у тебя целый банкет, - этой фразой он как бы отстранился от своего кабинета и своей комнаты отдыха, в которой пышных застолий никогда не устраивал, разве что выпивал иногда с ребятами, вернувшись с тяжелых заданий или получившими по секретному Указу награду, которую не следовало широко «обмывать».

А теперь это были владения Коцубенко, и чувствовал тот себя в них вполне уверенно. Поручил же кому-то из новых подчиненных все это организовать и тихо, через вторую дверь сервировать стол, пока они занимались делами в кабинете. Значит, хороший организатор и умеет работать с людьми.

- За вас, Артем Николаевич, за те сложные и архиважные операции, которые вы спланировали и провели и которые изменили оперативно-тактическую и политическую обстановку во многих районах земного шара!

Коцубенко говорил красиво, патриотично и в общем-то правильно. Было сразу понятно, что он привык быть в центре внимания. Дединец же, хотя и хотел расслабиться, не мог заставить себя выпить. Лишь пригубил для вида рюмку. Не

привык он так. Работать так работать, а если гулять, то дела закончить, а документы и оружие – в сейф. Но у сменщика, похоже, другие понятия. Впрочем, пока все шло в рамках приличия.

– Очень жаль, что вы уходите, – продолжал Коцубенко, торопливо закусывая и наливая по-новой. – Я на ваше место не метил, от души говорю! Я бы и в замах походил, поучился. Хуже бы не было!

– Мое время кончилось, все изменилось и будет меняться еще. Я вовремя ушел, – сказал Дединец и все-таки выпил.

Коньяк был неплохой, но не такой, как когда-то. Впрочем, не в коньяке, скорей всего, дело, а в возрасте. Раньше и вода была мокрее...

Коцубенко кивнул

– Да, сейчас никто не согласился бы запустить такую шайтан-группу в республику. Многие считают, что это провокация.

– Я же и говорю...

Дединец внезапно замолчал, будто одернул сам себя.

– Давай закончим с делами! – Он встал, прошел в угол комнаты, снял со стены картину «Пограничник в дозоре», отключил сигнализацию и набрал комбинацию цифр на открывшемся сейфе. Толстая дверца тяжело открылось. В стальном нутре лежала одна?единственная красная папка, опечатанная сургучной печатью.

Генерал-лейтенант осторожно вынул ее и положил на стол, между бутылок, тарелок и стаканов. Аккуратно, чтобы не крошить, сломал печать, открыл папку. В ней оказался краткий отчет о результатах работы группы и около полутора десятков тонких личных дел.

– Шестнадцать. Передаю для уничтожения, согласно приказу!

Коцубенко взял несколько дел, открыл одно, второе, небрежно полистал... С фотографий на него глядели Аюб, Док, Монтана, Мухтарыч... Он вздохнул, захлопнул очередное дело, спрятал их обратно в папку. Потом просмотрел отчет о работе: «Уничтожен готовящий теракт «Бамбук» – подрывник и брат полевого командира «Борза», уничтожена бандгруппа Исмаила Умарова, уничтожен «Борз» и его группа, предотвращен теракт в Москве с использованием шахидки Мадины, уничтожены банды Абу Усмана и амира Сайди». Ниже печатного текста написано от руки почерком Дединца: «Уничтожен международный террорист «Саббах» и его банда»...

Дединец положил перед новым начальником главный для него акт приема-передачи. Коцубенко бегло прочел текст и размашисто подписал оба экземпляра.

– Единственный документ, где их настоящие фамилии и координаты, – сказал Дединец, постучав пальцем по одной из папок.

– Я даже смотреть не буду, – замахал руками Коцубенко. – Прямо сейчас сожгу. Меньше знаешь, дольше живешь.

– А что будет с людьми?

– По последней информации, в районе их эксфильтрации сбит неизвестный вертолет. Практически все погибли.

– Практически или все?

– Практически все, – настойчиво повторил Коцубенко. – Отдан приказ не ворошить это дело.

– По-твоему, это справедливо?

– Мы же государственные люди. О какой справедливости вы говорите? Разве военные руководствуются такими категориями? Мы должны выполнять приказы, а также следовать в русле политических задач!

– Справедливость, это и есть основная черта государственных людей, – убежденно сказал Дединец. – Я напишу рапорт министру.

Коцубенко только развел руками: дескать, воля ваша.

– А сейчас мне пора, – сказал генерал-лейтенант, вставая. – С личным составом попрощался. К заместителям министра не пойду. Думаю, они не расстроятся.

Дединец вышел на улицу. Смеркалось, тихо падал крупный снег. Машина была на месте, хотя вполне могла уехать: возить отставников в обязанности водителя не входило. Теперь у него другой начальник. Очевидно, он и проявил благородство, распорядившись доставить предшественника на госдачу. Которую в ближайшее время тоже придется освободить. Хозяйственники подберут что-нибудь попроще: в смысле без охраны и спецсвязи. Во всех других смыслах – площадь, ремонт, обстановка, – проще некуда.

А Коцубенко прошел в комнату для уничтожения документов, и одно за другим бросил полученные дела в огонь раскаленной чугунной печки, похожей на «буржуйку». Листы бумаги и фотографии мгновенно вспыхивали, корежились, чернели и превращались в пепел. Когда все личные дела были сожжены, он размешал пепел кочергой. И тут же подумал: не нарушил ли таким образом приказ «не ворошить»?

Чечня, 2004 г.

Прошла еще неделя. Рана у Аюба зажила, и рукой он действовал почти свободно. Врач сказал, что надо избегать резких движений и через десять-пятнадцать дней все окончательно войдет в норму.

– Так когда будете выписывать? – спросил Аюб.

Врач отвел глаза.

– Да хоть завтра...

Все вроде бы налаживалось. В условиях больницы обеспечить строгую изоляцию невозможно: однажды утром Аюб увидел выходящего из перевязочной Дока, а через час молоденькая медсестра передала ему записку: «Здесь я, Тихий и Лось. Но местные что-то мутят. Надо уходить, Док».

Уходить так уходить! Их все же четверо, вряд ли охрана удержит... Настроение у Аюба резко улучшилось, он почувствовал прилив сил.

Но события развивались стремительней, чем он ожидал. Днем прибыл десяток до зубов вооруженных крепких парней – сразу видно: милицейский спецназ. На Аюба надели наручники, завязали глаза и посадили в микроавтобус. Следом затолкали товарищей, которых Аюб узнал по возмущенным голосам.

– Вы что, с ума посходили? – ругался Лось. – Своих вяжете?!

– «Духи» нам не свои, – коротко ответил грубый голос.

– Да вы запросите нашу часть, – сказал Док.

– Или позвоните куда надо, – добавил Тихий.

– Следствие разберется! – сказал тот же голос. – А сейчас заткнитесь, а то рты скотчем заклеим...

Везли их долго, потом спускали куда-то по лестнице, а когда сняли повязки, стало ясно: они в глубоком подвале. Тусклая лампочка в плафоне на стене слабо освещала небольшую, почти квадратную, комнату с двумя небрежно брошенными солдатскими матрацами посередине. Пол, стены, потолок – все из бетона.

«Такой бункер может быть и в Ханкале, и в любом райотделе милиции или воинской части... Да где угодно, хоть в частном доме! – размышлял Аюб. – Это может быть и погреб, и «зиндан» для заложников, и бомбоубежище для одной семьи. Хотя «зиндан» вряд ли: там все проще – обычная яма, в которую спускают деревянные лестницы... И в Ханкале, говорят, бетонных подвалов нет. Так что хрен его знает, где мы. Но ясно одно: нас считают врагами. И это плохо...»

Он осмотрел товарищей. Док, Тихий и Лось были в неплохом физическом состоянии, но явно угнетены...

- Это все, кто выжил?

- Вроде, - ответил Док. - Больше мы никого не видели.

На несколько минут воцарилась тишина.

- Ну что ж, - вздохнул Граф, - значит, нам повезло. Жаль ребят. Когда все вроде позади и вдруг...

- А нас-то почему сюда засунули? - спросил Тихий. - Сколько дней прошло, уже бы давно разобрались... А похоже, что все наоборот...

- Здесь еще не самое плохое место, - сказал Док. - Похоже, что мы под теплым помещением - иначе было бы холодно и сыро. А так терпимо. Если положить матрасы рядом и лечь поперек, вчетвером можно уместиться.

- И что мы тут будем делать? - поинтересовался Тихий. - Отдыхать в столь комфортабельном месте и набираться сил?

- А я слышал от одного чеченца, что ему в таком подвале «звонок другу» делали, - вмешался Лось.

- В смысле? - спросил Тихий. - Другу заставляли звонить, чтобы выкуп принес?

- Ага, почти! Берут полевой телефон, один провод от него - на мошонку, другой - на «друга», и крутят ручку вызова несколько раз. Человеку становится плохо. Очень плохо.

- Фу! - скривился Тихий. - Лучше пусть убьют сразу, я своего «друга» в обиду не дам, не на помойке его нашел!

- Судя по всему, этого исключать нельзя... Наше прикрытие, похоже, не работает, - сказал Граф.

– Да, иначе нас бы не привезли сюда.

– Это точно. Ну, на допрос вызовут, все прояснится! – изобразил уверенность Граф.

Но на допрос их не вызывали. Лишь немногословные конвоиры, явно не из начальствующего состава, вывели пару раз на улицу, в деревянный туалет, да бросили арестантам сухпаек, один на всех. Причем, выводили только бегом и с опущенной головой, так что особо вокруг не осмотришься.

На следующий день, ближе к обеду, дверь бункера открылась, и сверху донесся голос:

– Аюбов, на выход!

– Ну, начинается новый этап, – вздохнул Граф.

– Бегом! – крикнул один из конвоиров. – А то и прикладом схлопочешь!

Аюба завели в стационарный металлический вагончик, расположенный чуть дальше, чем туалет. За столом сидел следователь Красковский, аккуратно разложивший перед собой бумаги. У торца приткнулся особист Бараков.

Внутри было тепло, по сравнению с подвалом даже жарко. Вдоль стены тянулась труба парового отопления. «От домового котла или какой-то кочегарки обогревается, – автоматически отметил Аюб. – Хоть согреюсь...»

– Чего головой крутишь? Садись! – указал следователь на стул, стоявший посреди вагончика.

Аюб сел.

«Судя по тону, хороших новостей для нас нет, – отметил он. – Что же происходит?!»

– Итак, начнем сначала! – сказал капитан. – Назовите свою фамилию, имя и отчество!

– Аюбов Шарип Мурадович.

– Являетесь ли вы военнослужащим?

– Да. Я же говорил – свяжитесь с войсковой частью 88606!

– Мы направили запрос в Министерство обороны. Такой части не существует. Ни ты, ни ты твои друзья в списках военнослужащих не числятся. Мне вот просто интересно, на что вы рассчитываете? Вертолет без идентификационных номеров! Один из изъятых у вас автоматов проходит по учету как утерянный на разбитых артиллерией складах, а другой был в партии оружия, проданного в Йемен! Вы нас совсем за дураков держите?

Аюб пожал плечами и чуть поморщился – рана еще давала о себе знать.

– Какой вертолет прислали, на том и летели. А автоматов мы изъяли немало трофейных...

– Ты в этой группе старший? – подключился контрразведчик.

– На данный момент – я.

– На данный моме-е-е-ент... Хватит уже! Перестань витиевато выражаться, тебе не идет. Или ты думаешь, наше отношение к вам всегда будет таким хорошим, как сейчас? Вас не бьют, не прессуют... Пока. Так зачем подставляешь своих людей?

Аюб молчал.

– Ты же понимаешь, рано или поздно мы найдем тех, кто расскажет про ваши художества на территории республики? – дожмал его следователь. – Проведем очные ставки и все остальное... Сейчас возобновили дело об обстреле колонны федеральных сил, примерим гильзы к вашим автоматам. А пока все это будем делать, вас отправим в следственный изолятор.

Аюб на минуту задумался.

– Но я сказал правду, – продолжил он. – Свяжитесь еще раз с Министерством – там есть люди, которые должны знать. Или дайте, я сам позвоню в вашем присутствии!

– Совсем охреневший! – возмутился контрразведчик. – Я тебе только «звонок другу» организовать могу запросто!

– Только без меня! – поднял ладонь следователь. И повернулся к Аюбу: –?Скажи, куда и кому звонить – я все проверю!

А действительно, куда звонить?

– Да я не знаю, просто вырвалось в горячке, – поправился Аюб. – Только наш командир знал, с кем держать связь.

– Так ты же сказал, что ты и есть командир? – тут же уцепился за оговорку Бараков.

– Я старший здесь, в нашей группе. А командир Мухтарыч. Найдите его!

– Иди и подумай хорошенько! – сурово сказал контрразведчик, делая знак стоящему у двери конвоиру. – А ты веди следующего. Может, кто-то из них умнее окажется!

Аюба увели.

– Ты думаешь, они действительно из НВФ? – спросил следователь, когда они остались наедине.

– Откуда же еще?! – вскинулся Бараков.

– А с каких это пор боевики летают на вертолетах? – задумчиво спросил Красковский. – И эти вертолеты сбивают другие боевики?

– Всякое может быть! – махнул рукой контрразведчик. – Стечение обстоятельств, ошибка, да мало ли что еще...

- На месте крушения боевики дострелили одного раненого, - упрямо продолжал рассуждать следователь. - Что ж это они - сбивают своих, убивают своих? Странно как-то. А объяснил этот парень все вполне логично. Есть, правда, неувязки... Только знаешь, на что это похоже?

- На что?

- На глубоко законспирированную и строго секретную операцию, о которой знают только несколько человек!

Бараков с сомнением покрутил головой.

- Наша служба об этом бы знала в любом случае! Но мы ничего не знаем!

- Может, ты не знаешь, а есть люди, которые знают, - стоял на своем следователь. - Только они находятся в тени до поры до времени.

Мухтарыч

Пленника сгрузили с лошади у дома Висхана.

- Шамсутдин, выгоняй джип из гаража, поставь пока под навес! - приказал он сыну. - И раскладушку принеси!

- Разве мы его не в подвале держать будем?

- Здесь побудет, пока точно не узнаем, кто он! Вдруг свой? Гараж теплый и замок надежный - и никуда не денется, и обижаться не будет.

- А если он муртад?[11 - Муртад - вероотступник от ислама.]

- Значит, поступим так, как угодно Аллаху! Хватит болтать! За дело!

Шамсутдин открыл ворота гаража, сел в машину и включил зажигание. Хотя джип был и не новый, отобранный отцом у заезжего предпринимателя еще до

начала первой войны, двигатель работал исправно. Потом пришлось через работавшего в милиции русского соседа сделать документы, чтобы шайтаны при зачистке машину не отобрали. Это обошлось не так уж и дорого, тем более что затраты были с лихвой компенсированы: после первого ухода федералов отец убил соседа и забрал все, что у него было. Хотя милиционер успел семью отправить за пределы республики, видимо, деньги и ценности жене не доверил: отец принес несколько пачек долларов и рублей и горшок с золотыми изделиями... Да еще и дом продал. Вот поэтому и хватило денег на «Иглу». Правда, отец еще взял хороший выкуп за заложника, захваченного на границе со Ставрополем. Его, правда, держали в подвале, а не в гараже, и Шамсутдин с Мусой отработывали на нем приемы рукопашного боя. Так и накопил на самонаводящуюся ракету. Отец хозяйственный, умеет деньги делать. А теперь и положение получит...

Машина мягко выехала во двор, на бетонную площадку.

– Заносите! – распорядился Висхан.

Адлан схватил пленника под мышки, Руслан взял за ноги.

– Тяжелый! – сказал Руслан, пятясь, как рак, назад. Он был самым молодым, а потому и физически слабее других ребят.

– Ничего, не надорветесь! – подражая суровости отца, сказал Шамсутдин. – Несите и не нойте!

Неожиданно пленник открыл глаза.

– Он ожил! – От неожиданности Руслан разжал руки, нижняя часть пленника шлепнулась на бетон.

– Аккуратнее! – недовольно проворчал Висхан. – Убьете еще... Зря тащили, что ли?!

И склонился к незнакомцу.

– Ассаляму алейкум, дорогой! – изменив тон, участливо произнес он.

- Ва-алейкум салам! - тихо ответил тот.

- Как себя чувствуешь? - спросил Висхан на чеченском.

- Голова сильно кружится.

- Сам идти можешь?

- Попробую! - Мужчина поднялся, пошатываясь, сделал два шага... - Да, могу!

- Хорошо! - кивнул хозяин. - Кто ты?

Собравшиеся вокруг юнцы с интересом ждали ответ. Незнакомец обвел их взглядом...

- Давай поговорим без лишних ушей! - сказал он.

Будущий амир подал знак рукой, и его подчиненные отошли, но продолжали внимательно наблюдать.

- Говори! - нетерпеливо потребовал Висхан.

- Зови меня Султаном.

- Я не это спрашивал! - резко перебил Висхан. - Кто ты такой? И не юли, если тебе дорога жизнь!

- Я вижу, ты моджахед... Тогда ты должен знать, кто такой амир Саббах...

Для Висхана это страшное имя было так же далеко, как звезда на небе. Но он уверенно кивнул:

- Конечно, я его знаю.

- Знай и то, что сегодня лагерь Саббаха разгромлен кафирами[12 - Кафиры - неверные, не верящие в Аллаха. Так называли военнослужащих Федеральных

сил.]. Я был там и сражался с ними...

- Почему тогда ты не погиб, а оказался в вертолете врагов?

- Не погиб я потому, что на то воля Аллаха. Меня и еще несколько моджахедов взяли в плен. Не знаю, остались ли они живы... Это ты сбил вертолет?

- Ты обвиняешь меня в смерти моих братьев? - угрожающе глянул исподлобья Висхан.

- Глупо обвинять тебя в том, на что воля Аллаха! Если они стали шахидами, иншааллах[13 - Выражение, используемое в арабских и других мусульманских странах как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха.], и ушли в рай, то от отряда амира Саббаха никого не осталось...

- Но ты-то остался!

Пленник покачал головой:

- Я не из отряда Саббаха. Я прибыл к нему с поручением из Иордании, незадолго до их последней битвы.

Висхан на минуту задумался. Проверить сказанное было сложно - тесных связей с НВФ у него не было, а уж с Иорданией - тем более. Но вида он не подал.

- Мне нужно время, чтобы проверить твои слова, - сказал он. - Поживешь пока под замком. Не обижайся.

- Напротив, я благодарен тебе. Ты спас меня, вырвал из рук шайтанов...

- Это было нелегко. Целый отряд выдвинулся к скалам, они обстреливали нас из пулеметов. Мы еле ушли.

- Позволь еще раз выразить тебе благодарность, достойный брат мой. Как зовут тебя?

– Висхан.

– Спасибо, Висхан!

Тот, кто назвался Султаном, сам зашел в гараж и уже внутри, перед тем как закрылась дверь, обернулся.

– Одна просьба, Висхан: покажи мне, где находится Мекка. Ведь я должен молиться.

– Там! – Висхан махнул рукой в сторону юга, с небольшим отклонением на запад.

Дверь закрылась, раздался лязг замка. Пленник сел на раскладушку и облегченно вздохнул. Голова и правда кружилась. Но ни переломов, ни ран не было, только ушибы. Слабая лампочка тускло освещала скудное убранство гаража: накрытую досками смотровую яму, принесенное Шамсутдином помойное ведро, трубы отопления вдоль кирпичной стены, старый табурет... Никаких стеллажей, запчастей... Вообще ничего! Либо машина никогда не ломалась, либо с ее самостоятельным ремонтом здесь не заморачивались, а отгоняли в мастерскую. Окон тоже не было, лишь две закрытых косыми решетками узких отдушины под потолком. Если стать на табурет и держаться за решетки, то можно увидеть часть двора с беседкой, горный склон с небольшими домиками, беспорядочно разбросанными, как зерна для посева.

Посидев в раздумье, «Султан» прильнул к щели в металлических воротах и прислушался. Похоже, часового у гаража бандиты не выставили. Надо думать, как быть дальше. Пленника звали, конечно, не Султан. У него было несколько имен, но в последнее время его называли псевдонимом Мухтарыч. И если пленившие его люди узнают, что он командир оперативно-боевой группы, изрядно проредившей ряды незаконных вооруженных формирований, то его ждет мучительная смерть. А они это узнают – вопрос только во времени. «Легенды» на случай пленения у него не было, каких-то объективных подтверждений родившемуся экспромту рассказу – тоже. Значит, надо... Впрочем, он сам не знал, что надо делать. Выжил ли кто-то еще из отряда? Какие меры предпринимает Центр для его поисков? А может, считают, что все погибли и их никто не ищет? Впрочем, это вряд ли...

После захода солнца, когда над селом разнесся голос муллы, призывающего к вечерней молитве, дверь гаража открылась, и в проеме возникла фигура Шамсутдина, освещаемая фонарем над входом в дом. На плече у молодого человека висел автомат, направленный Мухтарычу в живот, палец лежал на спуске. И близко не подходит... Грамотный!

- Выходи! Отец разрешил тебе молиться в прихожей.

Это хороший признак: значит, хозяин склонен ему доверять.

Дом Висхана был одноэтажный, но с высоким цоколем. Дом стоял на взгорье и извилистая грунтовая дорога к нему хорошо просматривалась, как, впрочем, и все окрестности. На склонах – слева и справа, выше и ниже, стояли другие дома, хотя и на приличном расстоянии друг от друга, но в пределах прямой видимости. Ни подъехать, ни уйти незаметно нельзя. Разве что ночью...

Поднявшись по бетонным ступенькам, Мухтарыч открыл дверь и оказался в просторном коридоре. Шамсутдин стоял сзади, не сводя с него внимательных глаз и автоматного дула.

- Только молитвенного коврика у нас для тебя нет.

- Главное, чтобы молящийся чувствовал твердость и сколько бы ни пытался опустить голову ниже, чем во время первого касания, не смог бы этого сделать, – показал свое знание Корана «Султан». – А ты так и будешь надо мной стоять? Сам молиться не станешь?

- Не волнуйся за меня, – холодно ответил Шамсутдин. – Аллах простит бдительность моджахеда. В войну без нее не обойтись!

Мухтарыч помолился, и был отведен обратно в гараж. Но конвоир не торопился закрывать за ним дверь.

- А ты мины делать умеешь? – вдруг спросил он.

- Ставить умею, – ответил Мухтарыч. – А делать... Примитивную самоделку каждый дурак соберет. Вот на серьезную бомбу основательно учиться надо. У

нас специалисты в каждом отряде были. Но это на крайний случай. Зачем их самим делать, если готовые есть? Самоуправляемые, с автоматическим выбором цели...

- Это как? - открыл рот молодой человек.

- А так: ты ее запрограммировал, как тебе надо, установил, и она лежит, ждет. Например, три машины пропустила, а под четвертой рванула! Или на все машины не реагирует, а подъехал черный БМВ - бум! Можно на вес и рост настроить, она сама нужного человека выберет...

- А если другой попадется с таким ростом?

Мухтарыч пожал плечами:

- На все воля Аллаха. Только ошибки в любом деле случаются. А чаще все правильно срабатывает.

Шамсутдин помолчал.

- Здорово, конечно. Только таких бомб ни у нас, ни у кафилов нету. Где их взять?

Про «умные мины» Мухтарыч только слышал на служебной подготовке, но сейчас изобразил такой вид, будто имел с ними дело постоянно.

- А мы с такими часто работали. И собирались поставлять их амиру Саббаху.

- Так может... Может, в наш отряд хотя бы штук пять...

- Смотря что за отряд. Поставки сложного оружия согласовываются там. - Мухтарыч показал пальцем вверх. - Кому попало не дают.

- У отца уже двенадцать человек в группе. Правда, шесть молодых, как я...

- Этого мало, - покачал головой Мухтарыч. - «Умное оружие» дорогое. Его надо эффективно использовать. Поэтому давать его будут в большие, проверенные

отряды. А у вас небось и специалиста-подрывника нет...

- Почему? Мой товарищ, Адлан, у своего дяди учится – тот не одну машину шайтанов в ад отправил...

Мухтарыч снова покачал головой.

- Это несерьезный разговор. Товарищ учится у дяди... Детский сад...

- Не забывай, что тебя могло уже не быть на этом свете! – насупился Шамсутдин. – Мы ведь спасли тебя...

Мухтарыч в третий раз покачал головой и со значением, нараспев произнес:

- «Ни одна душа не умирает, кроме как с дозволения Аллаха, в предписанный срок!» – И уже обычным тоном добавил: –?Откуда это, знаешь?

- Из Корана, – кивнул молодой человек.

- Да, это действительно так... А из какой суры?

- Забыл, – смутился Шамсутдин. Он плохо знал Коран. – ?Но все-таки мы сделали тебе добро, и я прошу отплатить добром... Хотя бы одну штучку? А мы такой взрыв сделаем, что все на голову перевернется! И говорить о нас начнут, и добровольцы к нам побегут...

- Не знаю. – Мухтарыч изобразил задумчивость. – Хотя я вам благодарен. Попробую, конечно. Но обещать не могу!

Некоторое время они молчали.

- Я вообще-то на юриста в Москве учусь, – гордо сообщил Шамсутдин. – На третьем курсе!

То ли ему хотелось произвести впечатление, то ли просто похвастался.

– И знаешь законы так же, как Коран? – усмехнулся Мухтарыч. – Как ты можешь учиться, если здесь воюешь?

Собеседник небрежно махнул рукой:

– Зачем мне их знать? Можно заплатить и получить оценку. Коран совсем другое дело... Муллу ведь не подкупишь, тут самому учить надо! Ничего, я когда-нибудь выучу...

– Как же ты госэкзамены сдавать думаешь?

– А деньги для чего? – засмеялся Шамсутдин. – Деньги все делают!

– Это верно. Кроме одного.

– Чего?

– Оживить они не могут.

– И что? – перестал смеяться молодой человек.

– Ничего. Просто так и есть.

– Ладно, пойду. Завтра еще поговорим. Ты не против?

– Нет, конечно! Мне же здесь скучно, – ответил Мухтарыч. – А за разговорами время проходит быстрее.

Прошла неделя. Относились к нему хорошо: Шамсутдин воспринимал «Султана» уже не как пленника, а как старшего товарища или даже наставника, расспрашивал о военном деле, о диверсиях, об оружии...

Отец всегда говорил с ним приказным тоном и не терпел возражений. А «Султан» держался уважительно, как с равным. Может, разница в общении и расположила Шамсутдина к мужчине, который был старше и опытнее, но не кичился этим. Конечно, это можно было объяснить зависимым положением

пленника от вооруженного охранника, но Шамсутдин искренне верил, что причина не в этом, а в том, что сам он достаточно взрослый и умный, чем располагает к себе взрослого мужчину.

Мухтарыч рассказывал про нашумевшие в мире теракты – в общем-то общеизвестные факты, но Шамсутдин слушал с интересом: про некоторые он не знал, а если знал, интересовался подробностями. Больше всего его интересовало все, что касалось жизни за границей. Ведь дальше Москвы молодой человек никогда не был. А будущее в мечтах связывал именно с заграницей – все с той же Иорданией, например, или другими странами, но обязательно исламского мира.

Шамсутдин не только расспрашивал, но и отвечал: разговоры односторонними не бывают. Мухтарыча тревожило, что Шамсутдин не рассказывал ему об оживлении у федералов: ни прочесываний местности, ни перекрытий дорог, ни осмотры населенных пунктов... Как такое может быть?! Сбит литерный вертолет с совершенно секретной оперативно-боевой группой, а никто и не чешется! Ведь это повод для того, чтобы объявить КТО[14 - КТО – контртеррористическая операция.], поднять всю сеть информаторов и вывернуть район наизнанку! Почему же этого не сделано? Их курировал генерал Дединец – у него большие возможности, он искренне болел душой за группу, и он не мог бездействовать!

Мухтарыч терялся в догадках. Но пользу из разговоров с Шамсутдином он все же извлек, используя приемы оперативного разведпроса: Мухтарыч умел естественно задавать вроде бы ничего не значащие вопросы. Так, удалось выведать, что в Мохк-Мартановскую районную больницу доставили несколько человек, выживших после падения вертолета. Их круглосуточно охраняют – может, от нападения, а может, чтобы не убежали.

– Это твои друзья? – спросил молодой человек.

Мухтарыч пожал плечами.

– Кто знает? Может, они, а может, федералы. В вертолете были и те, и другие.

Но это известие его обрадовало: значит, не все ребята погибли. Но почему они под охраной? Погруженный в свои мысли, он не расслышал очередного вопроса.

– Султан, Султан, – повысил голос Шамсутдин. – Ты что оцепенел? Заснул, что ли?

– Голова закружилась, – ответил Мухтарыч. – Я же получил контузию...

– Тогда иди, ложись. Принести воды? Или еще чего-нибудь?

– Да нет, спасибо. Уже все прошло.

Мухтарыч чувствовал, что Шамсутдин относится к нему хорошо. Правда, все требования отца в части охраны соблюдал неукоснительно: без присмотра не оставлял, близко не подходил, оружие, будто невзначай, держал наготове.

Сам Висхан тоже вел себя доброжелательно, несколько раз заводил разговоры про житье-бытье, но более тесного общения избегал, вел себя очень сдержанно: неумело пытался выяснить какие-нибудь дополнительные подробности о своем госте-пленнике, а сам предпочитал отмалчиваться и, в отличие от сына, тему беседы не расширял и быстро ее сворачивал. Мухтарыч понял, чем это вызвано: Висхан в прошлом тракторист, широких связей в среде НВФ не имеет и обстановкой на этом фронте не владеет. По существу, он так и остался малограмотным селянином и очень боялся это продемонстрировать. Да и целей уехать в страну арабского мира он не ставит, а хочет одного – стать амиром, хотя объективно для этого у него маловато авторитета: только акция с вертолетом. Правда, это очень весомая акция, и она может решить дело в его пользу. Особенно если добавить к ней взятого в плен федерала... Но и ошибиться тут нельзя: если это не федерал, а посланник руководителей мирового террористического подполья, имевший дела с самим Саббахом, то упаси Аллах его обидеть!

Поэтому Мухтарыч иногда ел в доме за столом, хотя и в одиночестве – ломать хлеб хозяин может с гостем, а не с пленником, который вдруг окажется врагом. Но все равно это был знак доверия и расположения, хотя за его спиной всегда стоял конвоир с оружием: или Шамсутдин, или Муса, или Аскер, или еще кто-то из молодых. Когда Шамсутдин приносил еду в гараж, то это была та еда, которую ели сами хозяева. Несколько раз Висхан приводил каких-то мужчин, такого же крестьянского вида, как он сам, они, сопя, смотрели на него сквозь щель в воротах, потом отходили и, размахивая руками, что-то горячо обсуждали возле беседки. А Мухтарыч, став на табурет, наблюдал сквозь отдушину, причем

наверняка сумел рассмотреть их лучше, чем они его. Но крестьяне, посоветовавшись, расходились, а для него ничего не менялось.

Генерал Дединец, прозвище Камикадзе, Подмоскowie, 2004 г.

Переезд на другую дачу не занял много времени. Все пожитки – и генеральские, и Мишины, и даже спальный коврик с миской Сигнала – уместились в одну машину. Солдаты роты тылового обеспечения, не сильно напрягаясь и торопясь, погрузили их в тентованный ЗИЛ минут за двадцать. Самое ценное находилось в двух картонных коробках из-под обуви. Их Дединец взял с собой в служебную «Волгу», которую Коцубенко направлял ему по первому требованию, и даже без него – по необходимости.

В одной коробке – ее расположившийся вместе с Сигналом на заднем сиденье генерал держал лично – были документы: удостоверения о прохождении различных курсов повышения квалификации с лейтенантских времен, наградные документы, справки и прочие, нужные и ненужные, в общем-то хранящиеся как память бумаги. В другой – ее хозяин передал Мише на переднее сиденье – хранились сами награды.

– Разрешите взглянуть, Артем Николаевич? – спросил Миша.

– Ну посмотри, если интересно.

Нештатный ординарец осторожно снял крышку набитой, что называется «под завязку», коробки. Чтобы изделия не высыпались при тряске, ему пришлось придерживать их рукой. Расстегнувшаяся на одной из медалей застежка-булавка впилась в ладонь, проколов ее до крови. Но Миша был настолько поражен увиденным, что на ранку даже внимания не обратил.

– Ничего себе! Почему вы никогда их не надеваете?

– Не хочу выглядеть павлином, каких у нас много. Ношу лишь самые ценные для меня – память о серьезных операциях. И то – не надеваю награды тех стран, в которых нас официально не было.

- Так вот, сколько других – полная коробка почти...

- Это ведомственные медали, нагрудные знаки и прочие памятные железки, не имеющие отношения к настоящим наградам. На кителе не хватит места, чтобы все это нацепить.

- А у меня, кроме ведомственных, других и нет. Даже за ногу госнаграду не дали.

- Я знаю, Миша, знаю эту историю... Но не в этом счастье, поверь!

- Да, ногу не вернуть. Но обидно, что многие ордена Мужества носят, а никто их мужества не видел... Чем выше должность, тем больше наград. Это как так получается?

Дединец вздохнул.

- Да знаю все, Миша, знаю. Но поделаться ничего не могу. Тем более сейчас. Теперь я списанная фигура, и мы с тобой равны. Но для меня ты кавалер неврученных наград. И таких ребят я знаю много.

- А что толку, если награды заслужил, а не получил? – криво улыбнулся Миша. – Смотрят ведь на грудь...

- Неправда, – покачал головой Дединец. – Я знаю многих кавалеров неврученных наград. И на всех них можно положиться. А на этих разукрашенных павлинов разве можно рассчитывать?

Машины свернули с оживленной трассы на разбитую грунтовку, и тряска заметно усилилась. Эта дорога была похуже, чем ведущая к прежнему дачному поселку. И асфальта нет, и деревьев вдоль поменьше, и окрестности не такие красивые и ухоженные. Воздух, правда, чистый и свежий – это да. Люди здесь жили другие: в основном вышедшие на пенсию начальники и среднего уровня чиновники. Ни спецсвязи в домах, ни охраны... Не считая сторожа на КПП, тоже явно отставного военного.

Впрочем, сама дача не очень отличалась от прежней. Даже отдельное жильё для Миши нашлось – крохотный домик, переделанный из сарая для сторожа или садовника. Сигнала хозяин взял жить в дом, решив не тратиться на постройку вольера. Тем более что гостей он не ждал. Да и сам за пределы участка практически не выходил. Чтобы чем-нибудь себя занять, чистил снег во дворе, в ожидании февральских морозов утеплить оставшиеся от прежних хозяев розы и виноград, даже скворечник к весне сколотил, как учил его в детстве отец. А еще к весне планировал посадить рассаду помидоров и огурцов. И обязательно завести на участке живность для полной гармонии с природой: белок и ежей. А то как-то неестественно – вроде и лес вокруг, а зверушек нет.

И все бы ничего, только выпивать Дединец начал крепко. Сидел долгими вечерами у камина, погружившись в свои мысли, и попивал свой любимый ром. На выпивку денег он не жалел и продукты заказывал исключительно качественные. За покупками ездил Миша на автобусе. Водитель отставному генералу не положен, а нанимать Дединец никого не хотел. И денег лишних не было, а главное, не хотел пускать в свой круг никого постороннего. Так что пришлось выкупить по остаточной стоимости служебную «Волгу» – Коцубенко и тут пошел навстречу, так что по личной линии претензий к сменщику у Дединца не было.

В один из вечеров, засидевшись, как обычно, допоздна с бокалом, Дединец взял со стола портативную рацию и вызвал Мишу.

– На связи! – ответил тот сонным голосом.

– Зайди!

Через пару минут пришел Миша. Он был легок на подъем. К тому же генерал заменял ему семью и всех остальных – кому нужен инвалид без давнего покровителя?

– Что случилось, Артем Николаевич?

Генерал был изрядно выпивши, но определить это мог только тот, кто его хорошо знал.

- Несправедливость случилась, Михаил! Группу мою списали, бросили на произвол судьбы! На вопросы не отвечают, глаза отводят... Вот, собираюсь выехать на место да поискать ребят. Поедешь со мной?

- Поеду! - Миша почти не удивился такому предложению. Генерал на новом месте чувствовал себя как орел, посаженный в клетку. Вроде и не тесно, а не летаешь. А орлы в неволе не живут...

- Спасибо! - сказал Дединец. - Тогда готовь машину - проверь резину, масло, короче - все... Полный бак набери, возьми пару канистр в запас, купи продукты для нас и Сигнала, чтобы в дороге времени не терять...

- Мы и Сигнала возьмем?

Пес настороженно зарычал, словно возмутился вопросом.

- Ну а куда его?! - озвучил ту же мысль хозяин. - Возьмем, конечно. Он лишним не будет. Такие псы зря хлеб не едят, как и мы с тобой... Кстати, у тебя самоделка та осталась?

Миша молча кивнул.

- Сколько раз говорил: выброси! - то ли с осуждением, то ли одобрительно сказал генерал.

- Трещотка нормальная, хотя иногда и клинит, - ответил Миша. - Зачем добро выбрасывать?

- Патроны есть?

- Есть немного...

- Ладно, иди спать, а завтра начинай подготовку. Через пару дней выдвинемся...

На следующий день у Миши все уже было готово к отъезду. В холодильнике лежали консервы, сырокопченая колбаса и сыр в нарезках, на холодильнике - пакет с хлебом, сухари, сгущенное молоко, упаковка высококалорийных

«Сникерсов», растворимый кофе и пакетированный чай, пустой термос, большой пакет сухого корма для собак, банка консервированных маслин и всякая другая продуктовая всячина.

Но Дединец молчал. С утра он сделал несколько звонков по телефону, потом долго рассматривал изрядно потертую карту Чечни. В остальном все было как обычно: прогулка с Сигналом по дачному поселку, расчистка снега... Так прошел день, а об отъезде Дединец больше не говорил. Молчал он и на следующий день. Только был еще больше задумчив. В надежде, что генерал откажется от своей затеи, Миша потихоньку начал расходовать приготовленный в дорогу запас пищи, в первую очередь – хлеб.

Ночь выдалась лунной. Снег перестал идти около полуночи, застелив расчищенные днем дорожки ровным, поблескивающим покрывалом. Генерал лег рано – Миша определил это по погасшему светильнику в комнате. Сам он редко засыпал раньше хозяина. А сегодня совсем не спалось – предстоящая поездка взбудоражила, пробудила давние воспоминания, и ничего хорошего в них не было. Лишь к трем часам Миша задремал чутким, беспокойным сном.

Четыре-пять утра самое «сонное», самое удобное время для нападений. Практически все перед рассветом спят, даже часовые «клюют носом». Тем более что никаких часовых у отставника Дединца не было.

Три светлые тени скользнули по белому снегу, сноровисто перемахнули через забор, двое легко отперли замок, приоткрыли дверь, пустили внутрь усыпляющий газ из баллона, размером с портативный огнетушитель. Третий проделал ту же процедуру у Мишиной хибарки... Выждали несколько минут, надели респираторы. Подействует ли газ на пса, не знал никто: их уровень подготовки не позволял ответить на этот вопрос.

Две тени исчезли в доме, третья осталась у входа. Сигнал лежал в спальне, справа от двери, на дороге к кровати хозяина. Глаза его были закрыты, но уши по-волчьи настороженно торчали.

Настоящие тени ничего не весят. Но эти были как все обычные люди – из сильно пахнущего, по собачьим меркам, мяса. Под первой мясной тенью скрипнула половица, и пес открыл глаза. Дверь спальни тихо приоткрылась, и маленькая комната моментально наполнилась раздражающим собачий нюх запахом пота.

Несомненно, это был чужак. И он нес зло. Тень шагнула к кровати. Сигнал молча прыгнул, сбил незваного гостя с ног, привычно вцепился в горло, сжав помолодевшие и вновь крепкие, как сталь, челюсти чуть ниже кадыка. Раздался истошный крик, тренированное тело забилося в агонии. Сонный Дединец выхватил из-под подушки наградной ПМ, перекатился на бок... Но на него газ подействовал – силы не те, реакция не та...

Плюх, плюх, плюх! – глухо плевался пистолет с глушителем: вторая тень замерла на пороге, веером методично расстреливая кровать.

Бах, бах, бах! – ответил «макар» Дединца. Но пули пошли гораздо выше цели.

Плюх, плюх, плюх...

Сигнал довел дело до конца – вырвал кадык первой тени, и прыгнул на вторую. Но до горла не достал – сил не хватило, вцепился в инстинктивно выставленную левую руку. Зарычал страшно от отчаяния и нехватки былой сноровки и силы, на ярости перегрыз кость, и тут же срез глушителя уперся ему в бок.

Плюх, плюх!

Пули пронизали Сигнала насквозь. По-щенячьи взвизгнув, он, не разжимая челюстей, рухнул на окровавленный пол, увлекая за собой врага.

Плюх!

Собачьи клыки менее эффективны, чем пистолет. Вторая тень освободившись от тяжелого тела пса, с трудом поднялась на ноги. Щелкнул выключатель, вспыхнула лампочка, освещая разоренную, залитую человеческой и собачьей кровью комнату, в которой летали перья из простреленных подушек и валялись клочья ваты, вырванные из матраца. Поперек изрешеченной кровати, так и не выпустив пистолета, лежал генерал Дединец с простреленной грудью. Он не подавал признаков жизни, но вторая тень, которая при свете стала коренастой фигурой в камуфляже «Снег», все равно аккуратно прострелила седую голову.

Та-та-та-тах! – сухо застрекотал с улицы пистолет-пулемет «Борз»[15 - Это оружие кустарно производилось в Ичкерии в период описываемых событий.]. Это

пришел в себя Миша и тут же, раздетым выскочив на улицу, вступил в бой.

Та-та-та-тах!

Третий нападающий, стоявший у входа в основной дом, был отброшен двумя очередями назад, ударился о дощатую стену, скатился со ступенек и замер в неестественной позе. Миша выбежал во двор и, прихрамывая, бросился к нему, отбросил ногой удлиненный глушителем ПММ[16 - ПММ – пистолет Макарова модернизированный, 12-зарядный.], осмотрелся.

Дверь распахнулась. В проеме, покачиваясь, стоял еще один человек в окровавленном зимнем камуфляже. Левая рука висела плетью, правая держала пистолет, который удлиненным стволом нащупывал Мишино сердце.

Плюх!

Та-та-тах!

Приглушенный выстрел затерялся на фоне короткой очереди, но все выпущенные пули нашли свои цели. Словно тяжелая кувалда ударила Мишу в грудь, он захрипел и опрокинулся на заснеженную землю. Последнее, что он успел увидеть, – как тупые девятимиллиметровые пули вскрыли череп последнего налетчика, выбросив наружу серо-красный сгусток мозгового вещества.

* * *

Утром возле дачи Дединца собралось столько машин с мигалками, сколько выдавшие виды жители поселка не видели даже на генеральских свадьбах. Военное начальство, следователи, контрразведчики... Руководители приезжали больше «для галочки» – попасть в сводку: «На место происшествия выезжали...» Министр и замы прочтут и сделают выводы: раз выезжал, значит, руководил, значит, болеет за дело, ревностно исполняет свой должностной долг... Реальные исполнители – следователи и опера такие громкие происшествия не любили именно из-за этих массовых выездов: начальники как будто считали своим долгом затоптать следы на месте происшествия.

Генерал-майор Коцубенко прибыл одним из первых, но его это дело касалось напрямую.

– Ну, что тут? – Он пожал руку плотному, чем-то похожему на него и равному по званию следственному руководителю.

– Личности убитых не установлены, – ответил генерал-майор Ильченко – начальник отдела по расследованию особо важных дел. – Но судя по «почерку» – профессионалы... Усыпляющий газ, глушители, четкие действия, контрольный выстрел...

– Почему же не сработали чисто, если такие профессионалы?

– Случайности, – пожал плечами Ильченко. – Собака и этот парень-инвалид спутали карты. И усыпляющий газ не сработал как надо – видно старый был... Но задачу-то они все равно выполнили, только уйти не сумели.

У тебя-то какие-нибудь версии есть? Враги у него были?

Коцубенко мрачно усмехнулся:

– А ты как думаешь? Он на Кавказе десятки операций провел. У него куча кровников!

– Но эти-то славяне. – Руководитель следствия указал на трупы в зимних окровавленных камуфляжках, которые грузили в черную машину с глухим закрытым кузовом.

– Нанять кого угодно можно, чтобы след отвести. Ждем отдачу от кавказцев, а получаем от русаков. Или наоборот. – Коцубенко осекся.

– Что значит «наоборот»? – насторожился Ильченко.

– Да ничего... Это я о другом...

– А тебе не кажется странным, что кровники знали, когда Дединец уйдет на пенсию, когда переедет в неохраняемый поселок? И экипированы эти кровники

как хорошая РДГ...[17 - РДГ – разведывательно-диверсионная группа.]

– На что ты намекаешь? – нахмурился начальник Управления специальных операций.

– Ни на что. Просто дело какое-то темное...

– Так вот и просветляйте, это ваша работа!

– Просветлим, просветлим...

Не прощаясь, Коцубенко направился к машине, но остановился и повернулся:

– И имей в виду, что тут нет никакого «парня-инвалида»! А есть ветеран сил специального реагирования прапорщик Михаил Кузьмин, геройски погибший при защите старшего по званию! Ясно тебе! Так что выбирай слова!

Он четко развернулся и продолжил путь.

– Да что с тобой случилось? – растерянно спросил Ильченко, глядя в туго обтянутую защитным сукном спину. – Чего ты так взъелся?

* * *

Хоронили Дединца, как и положено по рангу, – с воинскими почестями, комендантским взводом и троекратным залпом в воздух. Людей, правда, пришло не много – в основном руководители УСО и несколько министерских чиновников. Конечно, сыграла роль конспиративность его прошлой службы, но, скорее всего, личный состав просто не знал о случившемся.

Коцубенко произнес прочувствованную речь о том, каким замечательным человеком, смелым воином и чутким наставником молодежи был покойник и какая невосполнимая утрата его преждевременная смерть для всего... Тут он на секунду запнулся, размышляя, для кого мог быть невосполнимой утратой отставной генерал. В голову ничего не приходило.

– Для всего человечества! – закончил он наконец фразу.

Тело Миши долго лежало в холодильнике патологоанатомического бюро с биркой на большом пальце уцелевшей ноги, пока в конце концов его не отправили на родину, в Смоленскую область, – там нашлась двоюродная сестра покойного.

А Сигнала зарыл в лесу за забором поселка охранник – дежуривший на КПП военный пенсионер.

Глава 3

«Вампир» выходит из тени

Пятигорск, январь 2005 г.

Таких новогодних праздников у подполковника Нижегородцева не было уже давно. Настоящий реабилитационный отпуск после командировки, как положено по приказу и как редко бывает на практике. То ли коллеги решили его побересть, то ли в нем действительно не нуждались (что для Вампира было бы куда прискорбнее), но факт оставался фактом: по служебным делам никто не звонил уже неделю. Но все когда-нибудь кончается. И праздники закончились тоже. Он проплыл последние двадцать пять метров и, тяжело дыша, поднялся по лесенке из бассейна. После такого перерыва восстанавливать форму нелегко, но нужно. На выходе взглянул на часы: «Успеваю. Хорошо, что бассейн недалеко, иначе совсем жиром заплыл бы».

В оперативный отдел Управления «Т» ФСБ России в Кавказском регионе он вошел за пятнадцать минут до начала рабочего дня. Так было принято – на службу прибывать до начала. А когда убывать со службы, считать было не принято – все зависит от обстановки и приказов руководства. Разложив на столе документы, накопившиеся за время его отсутствия, Нижегородцев приступил к их изучению. Прежде всего, взялся за сводки – что там, в мире, нового, действительно ли он уже никому не нужен...

«В Грозном в перестрелке с боевиками были ранены три милиционера. Ответным огнем уничтожен активный участник бандподполья, помощник Шамиля Басаева...

Уничтожен еще один связной Басаева. У убитого обнаружены видеокассеты с записями терактов, совершенных в Чечне и Ингушетии в 2001–2002 годах, и интервью Басаева и Масхадова. Как заявил официальный представитель Регионального оперативного штаба по руководству контртеррористической операцией на Северном Кавказе, главари бандформирований намеревались смонтировать из старых записей «видеоотчет для подлога и обмана лидеров международных террористических организаций «Братья-мусульмане» и «Аль-Каида». По мнению генерала, это вызвано тем, что «Масхадов и Басаев несут ощутимые потери в живой силе и испытывают острую нехватку в деньгах»...

Боевики в Чечне похитили около 20 государственных номерных знаков с автомобилям МВД, Минобороны и представителей местных властей. Эта акция однозначно расценена в МВД Чечни как подготовка к терактам в республике и соседних регионах: номера могут быть установлены на машины, начиненные взрывчаткой...

В Чеченской Республике сбит неизвестный вертолет, экипаж погиб, ведется расследование...»

Нижегородцев посмотрел на дату происшествия. Смутное чувство тревоги заставило перечитать сообщение о сбитом вертолете еще раз. Неужели группа «Сандак»? Он достал свой сотовый, нашел номер Мухтарыча, нажал кнопку вызова... «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сообщил не слишком приятный женский голос. С минуту поразмыслив, стоит ли звонить генералу другого ведомства, Вампир нашел служебный номер телефона руководителя Управления «С», набрал его на стационарном служебном аппарате закрытой связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

«Трехсотый», «двухсотый» – раненый и убитый (условное кодированное обозначение).

2

НВФ – незаконные вооруженные формирования.

3

Джамаат – территориально-этническое объединение для ведения подпольной террористической деятельности.

4

Группы СПн – специального назначения.

5

КПВТ – крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый.

6

АТС-1 – прямая правительственная связь.

7

ШТ – шифротелеграмма.

8

ОГВ(с) – Объединенная группировка войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

9

Эти и другие упоминаемые события описаны в романе «Сандал» пахнет порохом».

10

БМП – боевая машина пехоты.

11

Муртад – вероотступник от ислама.

12

Кафиры – неверные, не верящие в Аллаха. Так называли военнослужащих Федеральных сил.

13

Выражение, используемое в арабских и других мусульманских странах как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха.

14

КТО – контртеррористическая операция.

15

Это оружие кустарно производилось в Ичкерии в период описываемых событий.

16

ПММ – пистолет Макарова модернизированный, 12-зарядный.

17

РДГ – разведывательно-диверсионная группа.

Купить: https://tellnovel.com/koreckiy_danil/sandal-kotorogo-ne-bylo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)